

К 1443058

00

ВАЛЕРИЙ СУДАКОВ

На пути
к лукоморью

ВАЛЕРИЙ СУДАКОВ

На пути
к лукомерию

Вологда
2012

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос-4Вол)6-5
С89

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Администрации города Вологды*

Ответственный редактор — В. В. Вахрамеев
Оформление Т. В. Купецковой

С89 Судаков В. В. На пути к лукоморью: По страницам книг: стихотворения / В. Судаков, [отв. ред. В. В. Вахрамеев, оформл. Т. В. Купецковой]. — Вологда, 2012. — 288 с.: ил.

ISBN 978-5-87590-368-7

Новая книга Валерия Судакова — итог пятнадцатилетней литературной работы. В стихах — жизнь автора, принадлежащего к детям войны, поколению, биография которого впитала и трагические и светлые проявления истории Отечества и малой родины от 40-х годов прошлого века до начала нового тысячелетия. На перекрёстке времени автор, встречаясь с судьбами других людей, обретает и несёт в себе глубокое и проникновенное чувство Пути к лукоморью — отчизне и Отечеству.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос-4Вол)6-5

© Судаков В. В., 2012
© Оформление. Вологодский
институт развития
образования, 2012

ISBN 978-5-87590-368-7

Поклон всем радостям земным

Наверняка у каждого человека своё, особенное отношение к прекрасному, в том числе к поэзии. На зарождение самого этого отношения, необыкновенного по потрясающей глубине переживаний, влияет многое: факт рождения в семье, где для старших её членов естественна образная речь, явное небезразличие к фольклору, празднествам, обрядовым действиям, молитвам, где уклад, лад жизни возводится до уровня культа; место рождения — с не просто запоминающимся, но весьма колоритным, красочным ландшафтом, применительно к которому наиболее уместное определение «лепота» ничуть не будет преувеличением; «везение» на школьных учителей, из множества которых находятся такие, кому крайне близка история своего народа, прежде всего в её художественном выражении, и на достоинства которой они стремятся обратить внимание своих учеников.

Всё это образует предпосылки для того, чтобы мир поэтических образов, которыми обильно засеяна окружающая человека среда, «заговорил» сам собой. Я не мог не заслушаться красочной напевной речью моих бабушек и матери, напоминавшей узорные полотенца, которые они сами же и вышивали, не мог пройти мимо поэтической строчки, тем более что в библиотеке отца, сельского учителя, имелось редкое в послевоенную пору собрание сочинений А. С. Пушкина. Строфы его поэм «Евгений Онегин», «Руслан и Людмила» буквально магнетизировали меня. А. С. Пушкин, Ф. И. Тютчев, Н. М. Рубцов — особо почитаемые мною великаны русской поэзии.

Моя собственная профессиональная и общественная стезя всегда изобиловала многообразием впечатлений, подчас настолько сильных, в особенности в тех случаях, когда это касалось мощи человеческого духа, характера человека, удивительных

свойств души русского народа, что попытаться отозваться на это на только научной статьёй, публицистической заметкой, но именно поэтической метафорой оказалось единственным верным способом благодарить жизнь за предоставленную возможность ярко переживать соприкосновение с прекрасным. Не будучи специально обученным законам стихосложения, я шёл к познанию их стихийным, но, по-видимому, всё-таки верным путём. «Господи, помоги мне написать сегодня ещё одно стихотворение», — не ручаюсь за точность воспроизводимой мною записки на письменном столе А. Я. Яшина в его доме на Бобришном Угоре. Создание стихотворения — наслаждение и мука одновременно. Но лишь когда я почувствовал, что могу соединять три начала: выношенную в себе тему, мелодию стиха и ключевую фразу (мысль — идею стихотворения), тогда, наконец, осмелился познакомить со своими опытами кое-кого из внимательных, чутких друзей. Ими, к счастью, оказались А. А. Романов, В. В. Коротяев, Ю. М. Леднев, В. Н. Боровицкая, не только одобрявшие мои поэтические искания, но и настоявшие на их опубликовании.

Каждое стихотворение, конечно же, имеет собственную историю, нередко собственного героя. Могу поручиться, что каждое из них написано сердцем, каждое из них предполагало возвращение к дорогому для меня лукоморью — и реальному и былинному очагу моей души. Одним из стихотворений — «Поклон всем радостям земным» — я хотел бы сказать о самом главном, что движет человеком, — о его никогда не утолимом чувстве благодарности ко всему, что его вдохновляет, растит, даёт силу и мужество для свершений и поступков, побуждает жить и идти вперёд.

Валерий Судаков

Зовное место

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Не так давно в газете «Русский огонёк» появилась подборка стихотворений автора этой книги. Во врезке к ним говорилось: «Валерия Васильевича Судакова наши читатели знают как учёного, отдающего много сил развитию педагогики, общественного деятеля, возглавлявшего областной комитет защиты мира, талантливого и заботливого книгоиздателя. Но немногим известно, что по состоянию души Валерий Васильевич ещё и поэт. Муза его лирична и светла, грустна и улыбочива...»

Со всем этим трудно не согласиться. В мою память буквально вторглись и остались там навсегда строки:

*Над нами древние берёзы
Застыли, словно на часах,
Я целовал святые слёзы
В отцветших маминых глазах...*

По энергии чувств сия строфа равна и музыке, и живописи. Думаю, что тот, кто хоть немного разбирается в поэтическом мастерстве, согласится, что картина, нарисованная всего четырьмя строчками, и звучно-напевна, и объёмна, а главное — символична. Являясь частью прекрасного стихотворения, она в то же время может жить отдельно, самостоятельно, как драгоценный камень, вынутый из оправы...

Мне известно, что автор долго колебался: выносить ли ему свои творения на людской суд, мне кажется, будет одобряющим и ободряющим, что так важно в наше смутное время.

Юрий Леднев, член Союза писателей России



Возвратись ко мне, юность, метели
дыханием вьюжным,
От которого наше зимовье
насквозь просквозит,
Но не выстудит в крае суровом
ни ласки, ни дружбы,
Мне сияние тех белоснежных равнин
принеси.

Я тебе заплачу, моя юность,
чего ни попросишь, —
Хочешь, жизнью сквитаюсь с тобой
до конца?
Ты верни только то, что на землю
ты людям приносишь,
Я стихом да молитвой за то буду славить
Творца.

Новый век

Век взошёл и нов и грозен,
Удивлять не устаёт —
Задушевности и в прозе
И в стихах Россия ждёт.

Вопреки рекламе банков,
Несмотря на СМИнный гам,
Сердце рвётся неустанно
К добрым русским берегам.

Здесь изограф Дионисий,
Осенив себя крестом,
Душу русскую возвысил
До божественных высот.

Здесь вода живая звонко
Из подземных бьёт ключей,
Из небес глубин бездонных
Вечность горная течёт.

Здесь закат оправлен в золото,
Серебром расшит рассвет,
Здесь надёжнее булата
И вернее сердца нет.

Русское небо

О небо русское, родное!
Огромный купол. Нет, не зря
Средь безмятежного покоя
Вдруг полыхнёт в тебе заря.
Изведал твой характер русский
Завоеватель не один —
Немецкий, шведский и французский,
А то и польский дворянин.

Когда отважные потомки
Громили полчища врагов,
Плело ты сети из потёмок
И западни крутых снегов.
И незадачливый воитель,
Отведав жгучего огня,
Гнал в иноземную обитель
С ума сходявшего коня.

А небо снова полыхало,
Блистала красками заря,
Венком из радуги венчало
Победу русского царя.
И, воздымаясь над покоем
Лесов и нив, и струйных вод,
Дышал и негою и зноем
Хрустальный русский небосвод.

Я — русский

Я — русский. Судьбе я обязан,
Что дух во мне русский живёт.
Незримо и зримо я связан
С тобою, мой русский народ.

Я — русский. На тропке на узкой,
Средь самых широких равнин
Я думаю вольно по-русски, —
Так мыслит народ-исполин.

Я — русский. И гордое предков
Величие: Невский, Донской —
Я чувствую каждою клеткой:
То символы славы людской.

Я — русский. Люблю я по-русски.
О Русь! За весь щедрый твой свет
Я вынесу все перегрузки, —
Поднялся бы русский рассвет!

Солдатка

В деревенской избёнке — комод и кровать.
И застелен комод кружевцом аккуратно.
А хозяина нет: как ушел воевать,
С той поры не вернулся обратно.

Год за годом слились в ожидания круг.
И солдатка свой крест все несёт беспорочно.
А в избе тишина. Ни детей, ни подруг.
И печаль её, видно, бессрочна.

Воздух летней деревни и зноен и слух.
Только старые ходики тикают глухо.
...Поражаюсь терпенью крестьянских старух,
Восхищаюсь величиём их духа.

Книга Памяти

«Книгу Памяти» бабка берёт,
Укрывает холщовой тряпицей
И, к груди прижимая, несёт,
Водружает в избе на божницу.

А потом, не присев отдохнуть,
Становясь на колени к застолью,
Опускает знаменье на грудь
И вздыхает: «И хлебом и солью

Я встречала тебя много раз.
Всё напрасно. И с новою силой
Я молилась. Услышал мой глас,
Наконец, ты вернулся, служивый».

С непокрытой стоит головой,
Лишь шевелятся старые губы:
«Ты воскрес. Ты вернулся домой,
Мой родимый, солдатик мой любый».

Так молитва была горяча,
Что за окнами никли берёзы...
И горела, горела свеча,
А святитель не сдерживал слёзы.

Защитникам Ошты

И вновь зашёл июньский светлый день.
И в свете дня есть добрая примета:
Знать, урожайным будет это лето,
И минет нас чужая злая тень.

Святей святых я истину постиг:
Жизнь никогда не меряется просто.
Идут года, но ярче подвиг Ошты.
Её бойцам я б памятник воздвиг.

Захватчики рвались, да — обожглись!
И поделом. Но — дорога наука!
Победа добывалась в смертных муках,
Когда славяне за мечи брались.

Где шли бои, давно уж деревья
Поднялись ввысь и зеленеют пышно.
И чутким их корням, наверно, слышно:
Стучат в земле солдатские сердца.

Земля и вера

Десятилетиями,
Помногу
Молились мы кому-нибудь...
Да, мы молились,
Но, ей-богу,
Коль надо было
Помянуть
Святую правду,
Крест творящий,
Небес разверстых купола,
Был каждый жест наш
Говорящим,
Мы знали
Вещие слова.
Но в тех словах
И в наших жестах
Бурлила
Человечья кровь.
И в вере той
Имела место
Святей святых —
К земле любовь.

Вечность

Я знаю: мы — люди,
не боги.

Не боги —
мы лепим горшки.

Ах, русские наши дороги,
Насколько же вы широки!

Вы тянетесь вдаль
бесконечно.

И я утверждать не боюсь:

Себя ощущаю я
вечным,

Покуда
жива во мне
Русь!

Поклон деревне

Я шляпу снял, чтоб поклониться
Деревне, речке и крестам,
Из вологодской из столицы
Вернувшись к памятным местам.

Клонилося солнце. Вечерело.
Порозовел уже закат.
А сердце грустное теплело.
Я землякам был встречным рад.

И рад был я родной избушке,
Когда, минуя поворот,
Увидел мать свою старушку,
Что ожидала у ворот.

Над нами древние берёзы
Застыли, словно на часах.
Я целовал святые слёзы
В отцветших маминых глазах.

...Назавтра встану на рассвете,
Спрошу родную сторону:
— Что совершить на этом свете,
Чтоб снять сыновнюю вину,

Чтоб без тревоги возвратиться
К родимым памятным местам
И с лёгким сердцем поклониться
Деревне, речке и крестам.

Отчий край

Люблю родимое селенье
И запах пахотной земли,
И старый дом, укрытый сенью
Берёз, белеющих вдали.

Люблю спокойное течение
И робкий ропот струйных вод,
Зарниц неясное свечение
И полуночный небосвод.

Люблю пойти сосновым бором
И пить смолистый аромат,
Дивиться пышных мхов узором,
Бредя средь солнечных палат.

Свой отчий край, родной и милый,
Люблю я больше всех столиц
За то, что он мне дарит силы,
Что я... крылатее всех птиц.

Летнее утро

Там, где с неба бездонно высокого
Разливается розовый свет,
Над деревней моей одинокою
Занимается тихий рассвет.

Вот коровушки рано разбужены
Пастухом, потерявшим счёт лет,
На траве, летней ночью остуженной,
Оставляют разборчивый след.

Ещё дали клубятся туманами.
Недвижимо речное стекло.
Полон я ожиданиями странными,
А на сердце легко и светло.

Мать моя перекрестится истово
И поленья уложит в печи,
И огонь, разгораясь неистово,
Будет долго лизать кирпичи.

И сквозь дрему мне в веки сомкнутые,
Что разнежились в милом тепле,
Глянет солнце. В такие минуты вот
Счастлив я, что рождён на земле.

Родное гнездо

Там, где поле ржаное,
Где рябины стоят,
Есть гнездо мне родное —
Деревенька моя.

Ой ты, полюшко-поле,
Ой ты, трель соловья,
Ой ты, русская доля,
Ой ты, песня моя!

Краше русского слова
Мне нигде не сыскать.
Ой, зерно золотое
Моего языка.

Я скажу ещё проще
Всем знакомым, друзьям:
Деревенька за рощей —
То Отчизна моя.

Ой ты, полюшко-поле,
Ой ты, трель соловья,
Ой ты, русская доля,
Ой ты, песня моя!

Где раздумье закатов,
Светлых вод глубина,
Летних громов раскаты, —
Там моя сторона.

Ощущаю нередко
В себе радость и грусть.
Ой ты, родина предков,
Я — твой сын, моя Русь!

Ой ты, полюшко-поле,
Ой ты, трель соловья,
Ой ты, русская доля,
Ой ты, песня моя!

Зима

Когда мороз оденет в кружева
Четы берёз заснеженной деревни,
И, в стылой дымке видимый едва,
Мой старый сад среди сугробов дремлет,

Когда пред утром звёздный хоровод
Покров земли сравнивает с небесами,
И весть о встрече мне он подаёт
С серебряными зимними лесами,

Когда, тоской гонимый городской,
К родимой деревеньке подлечу я, —
Природа-мать волшебною красой,
Как добрый доктор, душу мне врачует.

Наперекор судьбе

Деревня за деревней... Островками
Стоят они, доверившись судьбе,
Воздвигнуты крестьянскими руками.
И трубами со стягами-дымками
Они зовут-влекут меня к себе.

Деревня за деревней... Как страницы,
Листаю времена моей земли.
И радость на душе моей жар-птицей
Горит всю ночь. А утром... мне приснится
Деревня, что сберечь мы не смогли.

Деревня за деревней... Сквозь столетья
Ты манишь всех, укромный уголок,
Отмеченный рубцами междометий,
Что оставляли грозы лихолетий, —
Забвенья дым тебя не заволок.

Деревня за деревней... Пусть в янтарном
Бору уже не слышно бубенцов,
Но Батюшков рождён здесь легендарный.
И мы деревне снова благодарны:
Есть в мировой поэзии Рубцов!

Деревня за деревней... Временами
Становится мне так не по себе...
Прости за то, что, брошенная нами,
Не в силах ты расстаться с кандалами.
Но ты живи! Наперекор судьбе.

Суть жизни

Да, мы зависим друг от друга.
Примеров этому не счесть.
В устройстве жизненного круга
Святая правда всё же есть.

Когда приходится нам туго,
Судьба сгибает нас в дугу,
Тогда мы тянемся друг к другу,
Как две травинки на лугу.

Разделим горе и победу, —
Тернист и долог общий путь, —
И боль и счастье — всё изведав,
Мы понимаем жизни суть.

Пусть дальний край её неведом,
Мы были. Есть. И будем. Будь!

* * *

Восток алеет. Тают звёзды.
Редеет утренний туман.
Птенцы проснулись в тёплых гнёздах
И с кормом ждут пернатых мам.

И тень играет с солнцем в прятки,
Стремясь укрыться за плетень.
Ну что ж! В природе всё в порядке!
Встречайте, люди, новый день!

День наступает светлый, ясный,
Как родниковая вода,
Откройте двери в мир прекрасный,
Деревни, сёла, города.

Эль Греко

Я — в галерее
высшего искусства.
Эль Греко — вот он.
Подлинный. Пред мной.
Я потрясён,
обуреваем чувством
сверхчеловечьей
правды вековой.
Петра святого
сомкнутые руки.
Глаза его,
исполненные слёз.
Черты лица,
в которых скрылась мука.
Смотрю на них, и
вдоль спины — мороз.
И я б Петра, —
он вовсе не был смелым,
страшился зла,
но зла сам не таил, —
я не рубашкой,
а своим бы телом
от лихоимства тяжкого закрыл..
В моей груди
такое упоенье,
такая боль
и гордость оттого,
что здесь — моё
великое творенье,
а не его,
Эль Греко самого..

Ах, как он мог,
великий кисти мастер,
одним касаньем
гениальных рук
пленить людей
своею дивной властью?..
И нет души,
Чтоб не очнулась вдруг.

Первый иней

Первый иней
Украсил заборы.
На амбарах крестьянских —
Запоры.
И, как в прежние
Лучшие годы,
Прозимуем,
Не зная невзгоды.

А как схлынут весенние волны,
Вновь земляца желанья исполнит.
Будем ждать урожая
С привесом.
Вот и жизнь.
И живи.
С интересом.

Узы рода

Как привычна, как знакома,
Как тонка живая нить —
За порог родного дома
Неохота уходить!

Ведь такую нитью кровной
От прадедовых времён
Крепким тыном родословья
Всяк надёжно окружён.

Раскатились в грозной гонке
Лихолетия года.
Родословья нитка тонка,
Да не рвётся никогда.

И морозы перестройки
Не сведут её к нулю.
Узы рода зимостойки.
Я за то их и хвалю.

* * *

Передо мной —
Черёмухи кипень.
От радуги
Свет льётся нежно-розов.
От восхищенья
Хочется запеть,
А от восторга
Закипают слёзы.
Из-под грозы,
Смотрю, спешит мужик.
В соседнем доме
Распахнулись двери.
Что наша жизнь?
Для мирозданья — миг.
Но в воскрешенье
Я готов поверить.
В каких краях
Я только не бывал,
Как ни блуждал
Дорогами скитаний,
Я тайну тайн
Одну лишь познавал:
Мой отчий край —
Предел моих исканий.

Земляки

Земля, земелюшка, землица..
Берёшь ты каждого в полон.
Родное слово, как жар-птицу,
Из сердца словно вынет он.

Земля, земелюшка, земля... —
Струится чистый тихий звон!
Я словом вещим, как Емеля,
Оплотом крепким награждён.

Земляк, соземец, одноземец —
Из родословного ствола.
Поставь иное — иноземец —
И грудь тоска заволокла.

Народа мудрое сказанье:
В одной землице спечены!
Землячеством, как состояньем,
С рожденья мы награждены.

Хроника жизни

Вон вечер угасает.
Смотрю в своё окно.
Жизнь кадрами мелькает,
Как старое кино.
Легла подковой речка,
Где, вспенивая кровь,
Восторженной свечкой
Вдруг вспыхнула любовь.
Вон школа, где работал,
Вон сад, где я молчал.
Вон взвод четвёртой роты —
Исток мужских начал.
Полей ржаные спины,
Речная глубина
И на меже рябина
Издалека видна.
Вон стылая чужбина —
Изведена не вся!
Но с русской равниной
И сравнивать нельзя.
Походкою нешаткой
Исхожен жизни путь,
Присесть бы для порядка,
Дать телу отдохнуть.
Вот только душу нечем
К покою пристегнуть.
Придётся снова плечи
Пошире развернуть.

Звёзды
смотрят вслеп



Дорогой Валерий Васильевич!

На одном дыхании прочитала Ваши дивные стихи. И повеяло от них пронзительно родным, далёким и любимым. В 1942 году меня вывезли из Ленинграда, по 1949 год я жила в деревне Дуброво Тверского края среди лесов, лугов и удивительно добрых людей.

Ваши стихи воскресили страницы моего военного, но счастливого детства. Спасибо Вам! Гражданское спасибо за Вашу жизненную позицию.

Последний год много читаю, перечитываю наших великих классиков, переосмысливаю. Зачитываюсь Шмелёвым, Зайцевым, Буниным, Ремизовым, открываю новые имена.. Составлен список дорогих авторов, книги которых всегда рядом со мной. Среди авторов — Ваша книжечка. Я передам этот список детям и внукам. А стихи Ваши и сейчас, когда навещают меня друзья, ученики, не только читаются, но и переписываются. Спасибо Вам.

*С благодарностью и глубоким уважением,
народный учитель СССР
Татьяна Ивановна Гончарова.
18 августа 1997 года. Санкт-Петербург*



* * *

Наконец — опять в поездке.
Путешествую я там,
Где гуляет ветер резкий
По заснеженным холмам.

Взгляд бросаю мимолётный
То на пёстрый вид небес,
То на скованный дремотой,
Весь в сугробах, зимний лес.

Вид родного захолустья
С островками деревень
Наполняет сердце грустью.
Угасает светлый день.

Знали наши сёла радость.
В них кипела жизнь и страсть.
Деревенский лад и святость
Новый век успел украсть.

Бушевали лихолетья
Возле этих серых стен,
И опять к концу столетья
Нету добрых перемен.

На снегу лучей свеченье,
Стылый ветер, уходи.
Жду с надеждой и волнением —
Что-то будет впереди?

Скрип полозьев

В который раз меня приветил
Знакомый верховажский бор,
Где только солнце на рассвете
Ведёт с морозным ветром спор!

Исконно русское селенье.
Полозьев скрип. И скрип шагов.
И бабы смотрят с удивленьем
На двух приезжих мужиков.

Сидим рядом в избе крестьянской.
Давно протоплена уж печь.
И, угощая нас по-царски,
Держать велят ответну речь.

И любо нам в избе просторной
За чаркой чарку поднимать.
Но горько думать, что с «реформой»
Деревне вряд ли устоять...

Меж нами — старый председатель
Федор Федорыч. Двадцать семь
Годов на сей земле старатель.
А тут — рукой махнул совсем:

Какие, к бесу, перемены!
Надой упал.. Кормов — в обрез..
В Москве, наверное, измена —
Пропал к колхозам интерес..

И сердце в грудь стучится глухо.
Вестимо нам из тьмы веков:
Пойдёт в державе заваруха —
Деревня встанет из снегов

И развернёт крутые плечи...
Не стой пред нею на пути...
Мы — из избы, а нам навстречу
Красавица — с ума сойти!

* * *

Я забыл,
Как за сохой шагают.
Я и сам
Хотел бы пошагать.
Как два солнца,
Лемехи сверкают.
А они не могут
Не сверкать.
Лемехи давненько
Поржавели.
Заросла бурьяном
Коновязь.
С предками моими
Неужели
Родственная связь
Оборвалась?!
Эх, припомню
Дедову сноровку.
На косьбе — мужицкий
Был он бог!
Наточу я
Старую литовку
И воздвигну
Здоровенный стог.
Крови я крестьянской
Не стесняюсь.
Стог упрётся прямо
В облака.
Оживёт деревня,
Удивляясь,
Засмеются
Поле и река.

Пропавшему без вести

Когда разгораются споры
В преддверии памятных дат,
Как тяжки немые укоры
Без вести пропавших солдат.

О доблести воинской бают,
Геройских историй — не счесть.
Безвестно в боях — погибают,
Но имя погибшему — есть.

Его называла с рождения
По имени добрая мать.
Бессмертное имя — забвенья
Людского должно избежать!

Спи, павший, спокойно. Ведь чести
Твоей не затмить клеветой.
Ты будешь навечно известен,
Укрытый гранитной плитой.

Про лопату

*Алексей Чуфарнов, уроженец г. Сокола Вологодской области,
на Великую Отечественную войну ушёл с лопатой.*

Есть в году святые даты,
Есть особенные дни.
В память старого солдата
Словно врезаны они.

Сорок первый. Сорок пятый.
А меж ними — прорва дней.
В эти годы шли солдаты
Между вражеских огней.

За ценой не постояли.
Это надо понимать:
За Отчизну воевали,
За народ, Россию-мать.

За жену, детей, за хату
И за пядь родной земли
Шли на смертный бой солдаты,
А иначе — не могли.

Лют был враг остервенелый.
Поминая всех святых,
На фронтах заледенелых
Бил солдат врага под дых.

Обходился и винтовкой,
А бывало, — без неё.
В ход пускал не без сноровки
Он оружие своё.

Изготовивши когда-то
В мирной жизни заводской,
Чуфарнов-боец лопату
На войну принёс с собой.

Многовёрстые траншеи,
Километры всяких рвов
И по пояс, и по шею
Вырыл Лёша Чуфарнов.

И когда тот зверь фашистский
В землю вдавливал бойца,
Он не знал развязки близкой:
Крепли силы молодца.

Словно в доброй сказке русской,
Меч подымет злой упырь, —
Так в бойце в окопе узком
Просыпался богатырь.

И, набравшись силы новой
Из земли родной глубин,
Был солдат к тому готовым,
Чтобы город взять — Берлин...

Иноземным супостатам,
Кто бы ни были они,
Помнить надо про лопату
Да про огненные дни.

А поскольку рановато
Из мечей плуги ковать,
Место самое — лопате
Возле знамени стоять.

Чтоб добавила заранее,
Там присутствуя, сама
Депутатскому собранью
Чести, совести, ума.

И российским депутатам,
Прежде чем голосовать,
Пусть напомнит та лопата,
Что земля — для всех нас — мать.

Может, где-то и торгуют,
Может, где-то продают, —
Только землю там такую
Вряд ли матерью зовут.

Личный счёт

Есть личный счёт к поре военной
У поколенья моего:
Мы все тогда обыкновенно
Лишались детства своего.
Война! Её мы принимали
Умом незрелых сорванцов
И неотступно ждали, ждали
Войною отнятых отцов.
Скупые слёзы высыхали.
Мы счёт вели печальный свой,
Когда не раз, не два слышали
В войну надрывный женский вой.
И губы крепче мы сжимали,
Лишаясь прежних детских снов, —
То наши матери рыдали,
Приняв до срока званье вдов.
Но я уверен: в мире средство
Отыщет каждая страна,
Чтоб не стояли по соседству
Два слова: детство и война.

Мамаев курган

Ведут гранитные ступавы
В нерукотворный мавзолей,
К кургану стойкости и славы,
Что в окруженьи тополей.
Под тем курганом — прах солдата,
Укрытый бережной плитой.
И в длинном списке мужа, брата
Найдёшь. За огненной чертой
Остались доблестные дети
Тех грозовых, сороковых,
Что жизнь за жизнь на белом свете
Отдали в схватках роковых.
Иду и я. Всё выше, выше
Ведёт печальная стезя.
И с каждым шагом сердцем слышу:
«Отчизну предавать нельзя!
Потомки наши, наше семя,
Поднять победный русский стяг!»
Отцы и братья лет военных!
Немую вашу слышу речь.
Клянусь вам Родину беречь!
Она одна — во всей Вселенной...

Бурус*

Кусты, деревья — в изумруде ярком.
Томятся в зное сосны на юру.
Бреду в тиши тенистой кроны-арки.
Смолистый дух в реликтовом бору.

Зелёных куш и льда границы резки.
Ручей бежит в хрустальных берегах,
И радугой алмазные подвески
Сверкают на заплакавших снегах.

Учусь дышать. Июньский воздух звонок.
А всё вокруг, очнувшись, расцвело.
Мне хорошо, как будто я — ребёнок,
А мир так свеж! А небо так светло.

* Название распадка с ледником в Якутии.

Большая Медведица

Над деревней
Большая Медведица
Разлеглась. Ни прогнать, ни вспугнуть.
Через весь небосвод так и стелется
Миллионами звёзд Млечный путь.
Сколько веры
И тайного трепета
Нам внушает небесный фасад,
Где, внемля человечьему лепету,
Над землёй молча звёзды горят.
И невольно
Душа откликается
Половодьем встревоженных чувств,
И стихия во мне пробуждается,
Будто я в эту бездну лечу.
Смотрят звёзды
Спокойно, размеренно
На леса, на деревню, на луг.
Завтра утром вот так же уверенно
Встанет солнца оранжевый круг.
Мне с тобой
Суждено будет встретиться
И в любимых глазах утонуть.
Ведь не зря же Большая Медведица
Преодо мной обозначила путь.

Якутия

О, этот мир! О, край якутский! —
Приволье тундры и тайги!
Здесь карий глаз сощурен узкий,
Оленьи носят сапоги,
Багряных лиственниц убранство
И тьма нехоженных дорог.
Здесь не в почёте склоки, пьянство, —
Так повелел якутский Бог.
Здесь лют мороз и снег глубокий,
Стволы берёз искривлены,
А половодья рек широки,
Зато стремнины их тесны.
Здесь ко всему — иная мера.
Умом якута не понять.
В природу-мать такая вера:
Она — и жизнь, и благодать.
Она родит, она научит.
И хоть она — из тыщи лет,
Ей не дерзи, её не мучай, —
И будешь сыт, обут, согрет.
И славлю я, по крови русский,
Надев из меха сапоги,
Благословенный край якутский —
Приволье тундры и тайги.

Амстердам

Над городом-спрутом мерцанье
Ненужных, растерянных звёзд.
Дивится само мирозданье
Людскому скоплению гнёзд.

Тюльпаны, тюльпаны, тюльпаны..
Не здесь ли, с ленивой тоской
О шторме среди океана,
Зализывал старые раны
Голландец — разбойник морской?

Не здесь ли царь-плотник герр Питер
Рукой, что тесала столбы,
С размаху солёный пот вытер
И, как скакуна на копыта,
Россию поднял на дыбы?

Утрехт, Амстердам и Гаага.
Соборы, каналы, мосты.
О них есть поэмы и саги.
И — как орхидеи — в Тобаго
Воспеты тюльпаны-цветы.

Любуюсь заморскому диву,
Цветы уважая до слёз.
В Голландии, правда, красиво.
...Росло бы побольше берёз...

Всё пройдёт

Всё пройдёт. И в те же сроки
Снег весна спалит дотла.
Задрожит в волне глубокой
Возле берега ветла.

Лопнут почки на высоких,
К солнцу вскинутых ветвах.
Под лазурью синеокой
Вспыхнет зелень на холмах.

На тоску косач надменно
Вздёрнет огненную бровь.
Кто-то будет непременно
Пить берёзовую кровь.

Проплывёт по небосклону
Многоопытный вожак,
Подгоняя утомлённый
Журавлиный свой косяк.

Тёплый воздух заструится
По окраинам полей.
Первый лист засеребрится
У осин и тополей.

Старый дед, кряхтя, присядет
На завалинку у стен.
— Дожил, — молвит, слепо глядя, —
До весёлых перемен.

* * *

Я жить не смог бы на чужбине.
Мне только наша сторона
От дня рожденья и поныне
Душе и сердцу так нужна.

Я повидал чужбину эту.
Меня там воздух не пьянит,
Иным там звёзды плещут светом,
Там купол неба не звенит.

А здесь, здесь полон я волненья
От трав, от запаха полей,
От белоствольного свеченья
Моих берёзовых аллей.

И голос предков будто рядом,
Понятен, близок, светел мир.
Иной награды и не надо,
Чем слиться и остаться с ним.

* * *

Доверьтесь поэтам, доверьтесь.
Их слово — не горсточка пыли.
В их слове — стихия и ветер.
Их нравы — мятежные были.

И разве они виноваты,
Что служат мелодии, ритму,
Несут, словно вахту солдаты,
На службе изменчивой рифме?

Поэты спешат за любовью
В истерзанном, яростном мире
И дань свою — нервом и кровью —
На струны кладут своей лире.

* * *

И дни пройдут,
И годы тоже минут,
И мы,
Воспоминаньями полны,
Затопим печь,
Присядем у камина
И глянем на себя со стороны.
Взойдёт былое
В облаченьи странном.
И свет надежд,
И призраки тревог,
И боль души,
Эмоций ярких раны —
Вернутся так,
Где всё — из ничего.
Но мимо нас
Былое
Вряд ли минет.
Идёт, как тень,
Вослед судьбе большой,
Мы поглядим
В огонь души каминной,
Чтоб встать затем
С согретою душой.

* * *

Надежды юности нетленной
Сжигать дотла никак нельзя,
Пока горят огни вселенной
И есть любовь, и есть друзья.

Ветра надежд разгонят тучи,
Подымут новую зарю.
И я о счастье неминуем,
О нашем счастье говорю.

Надежды юности нетленной
Сжигать дотла никак нельзя,
Пока горят огни Вселенной
И есть любовь, и есть друзья.

На перекрестках всей планеты
Орбиты счастья пролегли.
Уйдут в бессмертье те поэты,
Кто пишет о земной любви.

Надежды юности нетленной
Сжигать дотла никак нельзя,
Пока горят огни вселенной
И есть любовь, и есть друзья.

* * *

Дни детства растворяются во мгле..
Но как тревожит память сердца струны!
Какой бездонной кажется мне юность!
Ведь нет поры отрадней на земле.

Я думаю об этом, повзрослев.
О, как сверкают юной девы очи!
Знать, память отпускать меня не хочет.
О, дней молодых взволнованный напев!

На девушек смотрю я, погрузнев.
Промчались, словно птицы, мои годы,
И катит жизнь-река другие воды.
Побудь со мной, серебряный напев!..

Какой бездонной кажется мне юность!
И нет поры отрадней на земле.
Дни детства растворяются во мгле..
Но как тревожит память сердца струны.

Снега
плавятся



Прочитана книга, и в душе остался светлый след. Искренность автора зовёт в собеседники и, уж конечно, не оставляет читателя в равнодушии. Наверное, в этом — главное достоинство сборника.

Имя такой поэзии — лирика. Что ж, лирическая напряжённость строк вновь состоялась. Третья книга стихов Валерия Судакова продолжает выбранное поэтом направление. Путь этот иногда печален, но всегда светел. Он вбирает в себя не только личное. Автор чувствует себя гражданином, сыном своей страны и влюблённым в жизнь человеком. Многие стихи поются, и совершенно не случайно, что в конце книги помещены ноты. Это ведь здорово, когда стихи становятся песнями. По себе знаю, какое счастье испытывает поэт, слыша пение своих строк.

Валерий Васильевич Судаков это необыкновенное счастье заслужил.

Юрий Леднев, член Союза писателей России





Как нежно, как грустно
Волшебная флейта пропела,
И юности светлый мотив
Озарил мою душу опять.
То песня вернулась,
Которую над колыбелью
Мне пела, склоняясь,
Любимая, добрая мать.

Как часто я в мыслях —
В родимых местах-оберегах.
Там трель соловья
Над уснувшей туманной землёй.
Там зимней порой —
Царство белого чистого снега
И солнце роняет
Свой жемчуг на саван полей.

Как ярко мерцают
Там звёзды огромного неба,
Летящим дождём
Освещая восход и закат,
И, в срок запоздалый,
Колосья несжатого хлеба,
На нивах осенних,
Как в колокол, вдруг зазвенят.

О, русские люди!
Давно нам укладом старинным
Облить свою душу
Стыдливый и жгучий огнём.
И воспрянет душа,
Что хранила былого картины
И веру в величье,
В бессмертие русских имён.

* * *

В раздумьи я стою один.
Рассвет струится розоватый.
Черёмух кисти и рябин
Как будто пламенем объаты.

Воспоминаньями живём.
Костёр внутри горяч и зноен.
И, как тумана над жнивьём,
Всё ждём затишья над душою.

Светлеет неба синева.
Душа тревожная боится —
Не потускнели бы слова,
Где искра пламени таится.

Краски Дионисия

Валерию Гаврилину

Где леса разбегаются фронтом,
Отступив от озёрной черты,
Там обитель отца Ферапонта —
Монастырь неземной красоты.

Затуманят глаза мои слёзы,
Когда вдруг в заповедной тиши
Возле храма под сенью берёзы
Я услышу молитву души.

Знать, не зря богомаз Дионисий
Краской дивною этой земли
Так сумел имя Божье возвысить,
Что и мы устоять не смогли.

И горят Дионисия краски,
И несут свет земли вековой,
А на склоне, среди буйных ромашек
Храм стоит и глядит как живой.

Батюшков

Явившись поэтом известным,
Он стал знаменитым в стране.
Воителем храбрым и честным
Он битвы летел на коне.
И муза едва попевала
В сраженьях за бардом лететь.
А песня его ликовала,
Звенела победная медь.
И вот в покорённом Париже,
Присев отдохнуть на лафет,
Для новых, неизданных книжек
Сложил он чудесный сонет.
У самых истоков России
Сонет этот будет звенеть,
Где мимо черёмух с Софии
Плывёт колокольная медь.
А конь, спутник дальних походов,
В тяжёлой от бронзы узде
Теперь будет долгие годы
В речной отражаться воде.

Свет небесный

Скоро, скоро над дальней деревней,
Над листвою рябин и берёз,
Над погостом с часовенкой древней
Прощумят ветры буйные гроз.

Тёплый ливень умоет окошки,
Ручеек поспешит под уклон,
Расшитая цветами дорожка
Опояшет дугой небосклон.

И на травы, с небес разливаясь,
Свет опустится с разных сторон,
А в душе, колдовством восторгаясь,
Заиграет малиновый звон.

Гляну я в васильковое поле,
Хлынет в грудь буйной радости хмель:
Я не знаю, где видел привольней
И светлее вот этих земель!

И, величем таким озаряем
С детства милых и памятных мест,
Поклонюсь я родимому краю,
Где над древней часовенкой крест.

И на травы, с небес разливаясь,
Свет опустится с разных сторон,
А в душе, колдовством восторгаясь,
Заиграет малиновый звон.

* * *

Шёл я тропкой не окольною
На исходе декабря.
А над древней колокольнею
Будто вспыхнула заря.

По домам, домам бревенчатым,
Отогрев, восход стекал.
Вековою славой венчаный,
Мне навстречу люд шагал.

Не легендой, не сказаньями,
Что берут всю душу в плен,
А живу я ожиданиями
Добрых русских перемен.

Рассветы в апреле

Я помню рассветы в апреле,
Туманы, бегущие прочь,
Хрусталики сытой капли
Под крышей в весеннюю ночь.

Я помню отца на проёме
Открытого настежь крыльца,
Берёзы, стряхнувшие дрёму
От утренней песни скворца,

Ленивых дворняг перебранку,
Уставших зимовье стеречь.
Я помню, как мать спозаранку
Затопит мне русскую печь...

Далёких апрелей рассветы,
Истаяв, погасли уже,
Но искорку тёплого света
В моей заронили душе.

* * *

Открой врата свои, природа...
Где вее негой шум берёз,
Струятся в травах тихо воды
И зноем дышит жёлтый плёс.

Где дымкой утренней повиты
Стога и копны за рекой,
Где избы солнышком облиты,
А в сердце — радость и покой.

Воскресни, сонное сознание,
На луг взгляни: запламенев,
Цветы — роскошное создание —
Склонили головы ко мне.

Отраден лик Отчизны милой:
И ясный свод над головой,
И кружевные тени ивы
Над светлой тихою водой.

Как в храм, войду под свод природы,
Где зной ласкает жёлтый плёс,
Где вольных дух над гладью водной
И негой вее шум берёз.

Красный снег

Оплавая, гаснут свечи.
Нет приспущенных знамён.
Под Покров в село над речкой
Гроб из цинка привезён.

Из Чечни иль Приднестровья
Он доставлен.. И теперь
Вологодская Прасковья
Открывает сыну дверь.

Гробовщик не пилит доски.
Не выносит образа.
Гладит мать в окошке плоском
Отгладевшие глаза.

Плач стоит. А в карауле —
Полсела седых голов.
Разрывные, словно пули,
Пожеланья вечных снов.

Россияне друг за другом
Погибают без конца..
Красным снегом хлещёт вьюга
Сиротливого отца.

* * *

Что видел ты, солдат, в бойнице
Сквозь клубы дыма над собой?
Лугов зелёные страницы
Да купол неба голубой.
Душа взмывала синей птицей.
Слепил свинца горячий снег.
За пядь своей родной землицы
Сражался русский человек.
С боями шёл он по чужбине.
Твердел, грустнел солдатский взгляд.
Как будто мать родного сына
Своя земля звала назад.
И, впрямь, поля зелёных всходов
Солдату грезились во сне.
Он переключку певчих взводов
В туманной слышал тишине.
Он шёл упругою походкой,
Себя желаньем горяча,
И не постылую винтовку
Крепил солдат возле плеча.
На луг он вышел на росистый,
Косою сделал первый взмах,
И засверкали слёзы-искры
На свежескошенных копнах.
А травы буйные ложились,
Вдыхая тяжело и шурша,
И ликовала, веселилась
Соддата русская душа.
Он шёл от вражеской столицы,
Чтобы увидеть пред собой
Лугов зелёные зарницы
Да купол неба голубой.

* * *

Лето было.
Осень ли,
Иль метели стихнули —
Очи яркой просинью,
Словно звёзды, вспыхнули.
Вспыхнули —
Не каешься,
Ждёшь ответа мудрого.
Ходишь,
Утешаешься:
Счастье — дело трудное.
Над тобой,
Над мною ли
Кружит рой снежиночек.
Слов-то надо
Много ли
Женщине с мужчиною?..
По-над лесом
Месяца
Тоненькое пряслице
Вспыхнуло.
И — верится:
Долго не погасится.

Простите мне

Простите мне за то, что я нескромно
Нарушил Вами принятый обет,
Что я в глазах, прекрасных и огромных,
Увидел отсвет прежних юных лет.
Простите мне за грусть и за надежду,
Что подал я, рассудку вопреки,
Что никогда и трепетно и нежно
Я не коснусь доверчивой руки.
Простите мне, что вместо упоенья
И воплощенья сладостной мечты
Я разрешаю Ваши все сомненья:
Вас никогда не назову на «ты».
Простите мне тревоги и волненья,
Но я Вам прежний долг хочу отдать.
Пусть ваша жизнь течёт без измененья,
Я не хочу заставить Вас страдать.
Простите мне. Я сам поставлю точку.
Истаяла полночная звезда.
Пустынен мир. И певческая строчка
Теперь умолкнет тоже навсегда.
Простите мне. Смотрю на пепелище
Страстей своих, низринутый, как Бог...
А что в золе огонь находит пищу, —
Не виноват. Я сделал всё, что мог.

В аллее

Стоим с тобой среди зимы
В аллее, снегом заметённой.
Глаза в глаза. Похожи мы
С тобой на юных и влюблённых.

В твоих глазах сияет свет
Высокого земного чувства.
Мы верим: возраста ей нет —
Любви — великому искусству.

И этот свет, и этот снег
Мы сохраним в душе. Тем боле,
От века, может, человек
Не испытал счастливей доли.

Не грусти

В вышине над пашней и над садом
Слышу клич призывный журавлей.
Не грусти, любимая, не надо,
Не жалею о прошлом, не жалею.

По весне обычно прилетают,
Долгий путь проделав, журавли.
А в саду моём запыльхают
Те цветы, что прежде не цвели.

Сколько пролетит — не сосчитаю
Всех крылатых птичьих верениц.
Только на болоте ближнем с краю
Будет вить гнездовье пара птиц.

Только будут вёсны, будет лето
С утром, затуманенным от рос,
С розовой зарёю на рассвете,
С нежным тихим шелестом берёз.

И когда над пашней и над садом
Ты услышишь клёкот журавлей, —
Не грусти, любимая, не надо,
И о том, что было, не жалею.

* * *

О, душа! Любой поре ты рада:
И колючей снежной пороше,
И цветенью яблонь за оградой,
И рябине красной на меже.

А в ненастье мне подчас охота
Переплыть свинцовую реку
И, набрав морошки на болоте,
У костра обсохнуть на лугу.

Упаду в траву и принимаю
В знойном небе облаков парад,
Щебетанью ласточек внимая,
Исцелясь от горестных утрат.

«У природы нет плохой погоды...»
Так труби, серебряный трубач!
Так смотри, смотри же в окна года
И ликуй, душа моя, не плачь!

Снегирь

Радуюсь переменам:
Ожили ветки берёз,
Резче ложатся тени,
Стихли метель и мороз.

Мир до того наряжен —
Вымолвить не могу,
Снегирь за палисадом
Жарко горит в снегу.

Весь небосвод расцвечен
Бликами вешнего дня.
...Будет, наверно, встреча
Светлая у меня.

Утро года

Вьюги злые замолчали.
Светом землю затопив,
Брызнул месяц март лучами,
На посту февраль сменив.

Места грусти нет и скуке.
Настроенье обновив,
Вдруг сольются в сердце звуки
В ладный песенный мотив.

Хрупкий лёд на лужах тонок.
Меркнут звёзды в небесах.
Потянулся мир спросонок:
Утро года на часах!

Снега плавятся

Деревня в солнечных лучах.
В лучах её сады и крыши.
Петух и тот весну услышал
И точит шпоры на ногах.

Ни облачка на небе чистом.
Примета деревня права:
Чем тяжелей туман и мгlistей,
Сочнее вырастет трава.

Прекрасен образ мира вешний:
Поля белы ещё окрест,
А уж с полудня ждёт скворешня
Хозяина из тёплых мест.

Всё, всё в преддверии движенья.
Слезой плавятся снега..
Вот этим девичьим смятеньем
Пора весны и дорога.

Гиацинты в Хельсинки

Бульвар. Озябший майский вечер.
И море жёлтое цветов,
Где гиацинт подставил плечи
Под розу северных ветров.

Незащищённо и открыто
Он ярким пламенем горит,
Венчая камень знаменитый —
Холодный хельсинский гранит.

Он — как ребёнок с ликом нежным,
Поверив собственной мечте,
Стыда не видит в безмятежной,
Наивной детской наготе.

И взор светлеет у прохожих,
И всяк из них замедлит ход,
Гудок, на птичий крик похожий,
Подаст с залива теплоход.

Бульвару день приснится жаркий,
Окрасит купол неба синь,
Когда огнём пылает ярким
Наследник солнца — гиацинт.

Ван Гог

Расцветает в предместьях вишня
Раньше нежных мимоз-недотрог.
То в России заметил бы Пришвин,
А в Голландии — мастер Ван Гог.

В край неведомый плыл гондольеро.
Над какналом — висячий мосток.
Свой этюдник открыл кабальеро —
Знаменитый художник Ван Гог.

Вырастали из вод силуэты
Древних храмов. Небесный чертог,
Что воспели голландцы-поэты,
Перенёс на полотна Ван Гог.

Цвет вишнёвый наряден и ласков.
Надоумил художника Бог:
Выбрал самые светлые краски
Для весенних полотен Ван Гог.

Зимние грёзы

Очнись и пой, живи, душа моя!
Распахиваю настежь окон створки:
В морозной дымке — солнце над пригорком,
И под сосною ждёт меня скамья.

Роскошный бор. Младых снегов сиянье.
Гуляла здесь красавица-княжна.
Была сюда-то сослана она
Без всякой без вины, гласит преданье.

Благословенны здешние места.
Я, о княжне вздыхая потихоньку,
Дивлюсь на дятла, что стучит без толку
По шишке, что давным-давно пуста.

Мне хорошо. Слежу, как облака
Пуховые плывут в безбрежной сини.
Понятно, что княжны другие ныне.
...А всё ж о той жалею я слегка.

* * *

Зима, зима пришла.
Укрыты доли снегом.
Земля свою красу
И силу бережёт.
Час мартовский придёт
Стремительным набегом,
И станет синим снег
И рыхлым толстый лёд.
А светлый солнца луч,
Сверкая свежей силой,
Опустится на мир
С небесной синевы.
И станет всё вокруг
Таким родным и милым.
Веселья грянет хмель
Из каждой головы.
Но ныне на дворе
Луч робкого заката
Над кущею берёз,
Озябшей и седой...
За всё, за всё, за всё
Готовит нам расплату
Трескучий дед Мороз
С лохматой бородой.
Грядёт, грядёт весна,
И думы просветлеют, —
С природою прочна
Связующая нить.
И скажем мы себе,
Что всё равно успеем
И прошлое — терпеть,
И новое любить.

Поклон всем радостям земным,
Как вечным, так и мимолётным,
Тянусь к корням своим родным,
Как птица к стае перелётной.

За листопадом прошлых дней,
Несхожих и неповторимых,
Не меркнет свет любви моей,
Как свет лампы негасимой.

Летят виденья сладких нег
И сонм объятий полусонных
На берег памяти, как снег,
Движеньем долгим утомлённый.

Поклон, поклон страстям земным
И вдохновениям высоким,
Молитвам трепетным моим,
Теченью помыслов глубоких.

Сквозь годы, как сквозь дым костров,
Душа умчится беззаботно
К корням родным мимо ветров,
Как птица стаи перелётной.

* * *

Вспыхнут зори золотом багряным,
Заструится талая вода,
И в глазах, небес синее самых,
Утону я, видно, навсегда.

С половодьем бурным в чём-то схожа,
Но — в отличие — сказочно мила
И апрелей ласковых пригожей,
Как весна — лучиста и светла.

А заря вздымается, не вянет,
Всё звончей крылатой стаи звук,
И меня, как пчёл голодных, тянет
Запах мёда нежных губ и рук.

Утра свет заплещётся по крышам,
Дух взметнётся от небес широт,
В честь твою я словно гимн услышу
От поющих облачных высот.

Буду ждать с надеждой синий вечер,
Станет явью тайная мечта —
Обниму я гибкий стан и плечи,
Поцелую руки и уста.

Свет вечерний с золотом багряным,
Отогрев, растает без следа,
В омутах твоих, бездонных самых,
Утону я раз и навсегда.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Рожь
да жито



У Валерия Судакова — это уже четвёртая книга стихов. Учёный по призванию и больше известный нам своими историческими и педагогическими трудами, он с годами обратился к стихам и именно в них нашел для себя форму выражения своих выстраданных дум и обостренных до боли чувств.

А думы его — о судьбе родины малой и многострадального Отечества.

А чувства — от любви к жизни и к родной земле, к женщине и природе.

И потому, листая этот сборник, вы на любой его странице почувствуете душу — русскую! — и услышите слово искреннего человека... И все это важно не только для него, но и для всех нас тоже.

Владимир Кудрявцев, член Союза писателей России



Рожь да жито

Годочки сложились поленницей дров.
Весной на уме — рожь да жито.
Иду да иду по цепочке следов,
Моим родословьем пробитой.

Начало тропы, по которой иду,
Туманною дымкой окутан,
А я всё упрямо ищу — не найду
Далекого детства минуты.

Вернуть бы, как в сказке, минуту одну, —
Да знаю — просрочены сроки, —
Чтоб в детские годы я мог заглянуть,
Припасть к родниковым истокам.

Умоюсь я детства живою водой
И, телом-душой взмолодевший,
Я жизни своей под вечерней звездой
Костер распалю догоревший.

И искры костра, до небес поднявшись
И звездочкам счет перепутав,
Поведают детям и внукам, что жизнь
Несется как детства минуты.

Пойдут и они по цепочке следов,
Моим родословьем пробитой:
Годочки сложились поленницей дров,
А жито да рожь — не забыты.

Родина

Я родился в краю,
Будто летопись,
Древнем,
Где берёзы стоят
На часах
У уснувшей деревни,

Где посад серых изб
Поутру
Скрыт молочным туманом,
А дымки труб печных,
Просыпаясь,
Лениво и нехотя встанут,

Где в бору мне светло
От сосновых
Стволов загорелых,
Где земное тепло
Всходит соками
В травах
Июньских неспелых.

Где, упав с высоты,
За бегущей,
Гоняясь, как дети, волной,
Хоровод облаков
Невзначай
Заблудился, разбился, —
Там, в приволье лесном,
Над хрустальной водой
На излучке речной
Я родился.

До конца дней своих
Мне любить суждено
Отчий край
И душою, и сердцем и болью, —
Лишь бы только возшло
Нивы щедрой зерно,
Чтобы встретить меня
Хлебом-солью.

Весенняя межа

Время солнца яркого
Вот и подошло,
И восходит маревом
Над землей тепло.

Птички стаи мечутся,
Весело кружа.
В снегоне месяце
Для весны — межа.

У ручья речистого
Озорной народ,
А под синью чистою
Сплошь — круговорот.

Мчатся воды талые,
У березы — сок.
Пробовал, пивал его —
Запасаю впрок.

Песня — да не та же,
Новых дум узор.
Сердце, будь на страже! —
С поволокой взор.

Свет-заря

Иной раз в душу пристально
Я гляну и не зря:
Стихи опять написаны,
Спасибо, свет-заря!

Лучом раным-ранёхонько,
Лизнув дощатый пол,
Будила: встань скорёхонько,
Спеши, садись за стол!

Пока зари багряное
Катилось колесо,
Слова в строку упрямые
Ложились полосой.

Стихи от сердца, искренни.
Спасибо, свет-заря!
Опять стихи написаны
Тебе благодаря!

Цвела черёмуха

За окном черёмуха цвела,
Ароматом душным наплывала,
Молодёжь из дальнего села
К речке прогуляться зазывала.

Толковали чинно мужики,
Радясь минутам беззаботным,
На течение тихое реки
Взгляд бросая быстрый, мимолётный.

Тень зари туманную постель
Травам утомлённым выстилала.
На лугу пиликал коростель,
И на круг гармошка приглашала.

Летний вечер тихо угасал,
Уходил куда-то в неизвестность.
Аромат черёмух наплывал..
День и ночь сомкнулись разом тесно.

Деревенские невзгоды

Что за век? Лихие судьбы!
Деревенский проклят рай.
Люд крестьянский стиснул зубы,
Обозлился через край.
Почему к земле так грубо?
В чем деревнина вина?
Отчего она не любя?
Чем ославила она?
Недосевы, недороды.
А стада куда ушли?
Деревенские невзгоды —
Слёзы матери-земли.
Время новое смеётся:
Старина нехороша.
Петь бы рада — не поётся,
Понадсажена душа.
А пока всё счастье мимо.
Что ж? Деревне волком выть?
Силы хватит у родимой
Не чтоб выжить, а чтоб жить!
Изо льна носить рубахи —
Здоровей и веселей.
Полевых моих ромашек
Не иссушит суховой.
И в какие бы одежды
Не рядился новый век,
На деревню глянь-ка прежде,
Добрый русский человек!

Вологда

О, память сердца...

К. Н. Батюшков

Нарядна Вологда вблизи
В тенистых зарослях излучин.
В ней — сердце гордое Руси
В реченьях с оканьем певучим.
Здесь в переулках тешат глаз
Резные теремов балконы,
Над ними — будто напоказ —
В кирпичных кружевах колонны.
Гляжу на древний наш посад,
Он молодеет, — нету спору, —
Меж новых каменных палат
Все также высятся соборы.
И среди этой всей красы,
Пронзая голубые дали,
Колокола в свои часы
Окрестность звоном заливают.
Прекрасна Вологда. О ней
Напомнят нам церковей утёсы,
Встающие средь новых дней
В кудрявой зелени откосов.
И наш поэт с недавних пор,
В лицо истории смотревший,
На Кремль глядит и на собор
Не как на склеп закаменевший.
И нам близка поэта грусть.
Потомкам из веков далёких
Он сам читает наизусть
Стихов чарующие строки.
...По кручам нынешних дорог
Идём вперёд, — куда нам деться! —
Живи, наш город, без тревог!
И эхом в нас: «О, память сердца»

Звёзды Руси

Разгорался рассвет над июнем, пропахнувшим летом,
И туманились травы, хмельные от соков земли.
Но никто из людей знать не знал и не ведал, что эхом
Колесница войны по планете катилась вдали.

Ярославны Руси осеняли крестами закат огнеликий,
И тревога в душе их росла, разливалась окрест.
А в часовнях и храмах святые печальные лики
Им внушали: ах, тяжкий вам выпадет крест!

Над глухими лесами, погостами древних селений
Полыхали, не гасли огни беспокойных зарниц.
Не во сне — наяву матерей, юных жён посещали виденья
Недописанных писем, запачканных кровью страниц.

И страна и народ, дверь открыв в роковой день июня,
О потерях возлюбленных чад долго будут потом голосить.
Но не знали враги, обнажившие злые мечи свои втуне, —
О победе над ними вещают бессмертные звёзды Руси.

Тётя Паша

— Деревенских не знаешь вестей? —
Вся округа полна уже слухом.
Из последних, браток, новостей:
На одну стало меньше старуху.
Ту старуху в деревне моей
Звали все, как один — тётя Паша.
Издалёка здоровкались с ней,
С воплощеньем истории нашей.
Как сейчас, её вижу одну
В пятистенке пустом и просторном.
Муж ушел на Большую войну
И погиб там героически, бесспорно.
Тётя Паша росточком мала,
Но косила широко и чисто
И улыбкою светлой цвела
От веселой игры гармонистов.
Наберёт она сена беремья, —
И самой не видать из копны.
Тётипашино женское племя —
И оплот и надёжа страны.
Сколько ею терблено льна,
Обихожено сколько скотины?! —
От работы бывала пьяна —
Насадила и ноги и спину.
Как шатры, воздвигала в полях —
Не измерить саженью — суслоны.
А заботой земной отпылав, —
Слава Богу! — творила поклоны,
И смотрел муж — касатик Кирилл
На жену с молодого портрета,
Будто спрашивал: — Хватит ли сил? —
Взглядом добрым с того уже света.
Износился вконец старожил.
И февральской морозною ранью
Тётя Паша, клубочек из жил,

Приказала живым на прощанье:
— Пред людьми и пред Богом чиста.
Что имеете, то и храните.
И навеки сомкнула уста,
Отошла в неземную обитель.
Засверкали в небесном окне,
Услыхав вздох последний старухи,
Звёзды в ясном далёком огне.
И крепка ж ты, Земля, русским духом!

Рождался день

В густом тумане тонут ивы,
В молочной дымке — берега,
И, мглой окутаны, лениво
Пасутся сонные стога.

Заря, тускнея, отторает,
Раззолотив вершушки туч,
А следом солнышко, играя,
В седой туман вонзает луч.

Цветы нечаянно, неожиданно
Зажгут росинки-огоньки,
Когда волнистые туманы
Плывут над зеркалом реки.

Вдохнул, очнувшись, слабый ветер,
И травы дрогнули слегка.
Рождался день в движеньи вечном
Ветвей, листвы березняка.

Знамения

Снега на деревьях, на крышах.
Весь мир — в ожидании мечты.
Наверное, скоро услышим
Мы звёзд разговор с высоты.

Снега надо всюю округой
Сверкают, искрятся, парят,
Узорной холодной кольчугой
Поля и леса серебрят.

Так стоит ли за море ехать?
Нам русского хватит ума,
Чтоб счастьем наполнить сусеки
В российских своих закромах.

За зимней метелью на крыльях,
Очнувшись от долгого сна,
К нам с вестью о днях изобильных
Пожалует снова весна.

Путь Млечный таинствен и светел,
А в сполохах звёздных дождей —
Знамения щедрого лета
Для добрых, хороших людей.

Назло приметам

Февральские дни посветлели,
Из туч не снежинки — вода.
В балконе воробушек смелый
Местечко нашёл для гнезда.

Поля стали вдруг обнажаться,
Народным приметам назло.
И мне захотелось подняться
И ветру подставить крыло.

Такого природы веселья
Никто не припомнит из нас.
Ах, солнце! Вскружило ты землю
И людям головушки враз!

Весеннее настроение

Ещё зимы суровый вид.
Она ещё отвагой дышит.
Шагов весны она не слышит.
Но солнце тянется в зенит.

Природа нехотя очнулась.
В снегов слепящей белизне
Весна ворочалась во сне.
И стрелка времени качнулась.

...Так и душа. То грустью нежной
Даёт себя околдовать,
А то спешит возликовать,
Пылая страстью вдруг мятежной.

Светлей небесное сиянье.
В его лучах играет кровь.
И воцаряется в сознании
К весне и женщине любовь.

Колесо в травинках

Будни откалитись неприветливы,
Милость проявили небеса.
Люди, наконец, следы заметили
Майского, в травинках, колеса.

Ивы и берёзы отражаются
В речке у размытых берегов,
Облака небесные сливаются
С кущами зеленых облаков.

С выси льются клики вечных странников —
Уток перелётных и гусей.
А земли заботливой дыхание
Манит и зовёт: паши да сей!

Стосковалось полюшко былинное.
Пробудись, крестьянская душа!
Укрепись, расти, как Селянинович —
Пей из богатырского ковша!

В каждую деревню и селение
Праздник будто вышел из лесов:
Катится весны благословение —
Майское, в травинках, колесо.

Золотая осень

Уже длиннее стали ночи,
А дни, напротив, — коротки.
Ах, золотая моя осень,
Ты серебришь мои виски.

Но я ничуть не опечален.
Я жду от осени добра:
В ней есть и мудрое начало
И жизни новая игра.

Дорожка звёздная искрится,
На небесах — светлым-светло.
А позолота всё струится...
На сердце грустно и тепло.

Кубок жизни

Пойдём в леса, — там дышится легко,
Янтарных сосен свод взметнулся высоко,
А мыслей грустный строй остался далеко, —
Покой к душе твоей сойдёт и устоится.

На серебристый мох присядь и отдохни,
В небесную лазурь раздумчиво взгляни
И царственной вокруг природе сей внемли.
И кубок жизни пей, чтоб заново родиться.

Восславь живое!

Судьба извечная: живи — соображай:
Что взвешено небесными весами, —
То свято. А вот новый урожай,
С Землёй прощаясь, засевайте сами.

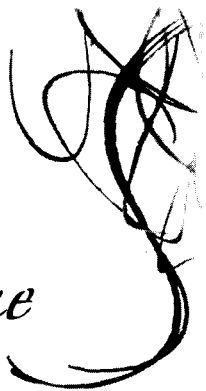
Всевечна Жизнь. В грядущие миры
Гляжу, как волхв, движеньем увлекаем.
Раскинь, Земля, зелёные ковры,
Восславь живое! Пусть оно рождает!

Клянусь своим прожитым каждым днём,
Мой дух пронзит безбрежные пространства,
Пылая там живительным огнем
Земной любви цветенья и убранства.

Романс о романе

Размечтаюсь, уйду с головою
В тот рябиновый знойный туман.
Замечательной новой главою
Там открылся сентябрьский роман.
Гаснет лет нарастающих топот,
Невозможно не верить в судьбу,
Когда слышишь прерывистый шёпот
И прохладу ладоней на лбу.
Славлю Бога, что ты полюбила
В позолоте осеннего дня.
Ничего-то мне в жизни не мило,
Лишь бы ты охраняла меня.
Тайна жизни, наверно, сокрыта.
Но в ночной или утренний час
Я признание в любви, как молитву,
Повторю для тебя много раз.
Мне однажды огонь душу выжиг,
Застилала сознание мгла.
Понимаешь, воскрес я и выжил,
Потому что ты рядом была.
В мир большой выхожу без печали.
Он по-прежнему полон чудес.
Знаю я, ты стоишь за плечами,
Словно ангел, слетевший с небес.

Зори
белоствольные

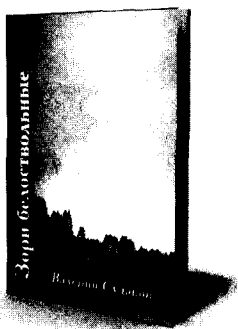


Доктор педагогических наук, профессор Валерий Васильевич Судаков прежде всего Учитель. Несомненно, это имя первое и самое важное.

Он — учитель учителей. Многолетними стараниями Валерий Васильевич стремится к тому, чтобы каждый учитель, каждый директор Вологодской области обладал высоким профессионализмом.

Главная черта Судакова — жить по-божески и делать людям добро. Валерий Васильевич — поэт. Его стихи — это отражение широкой русской души. В его поэзии дыхание русского поля, запах весенней капели, картины широких вологодских просторов. В его поэзии ликует любовь. Любовь к Родине, любовь к людям, любовь к жизни. Когда читаешь его стихи, то слышишь музыку, пение птиц, журчание ручья. И недаром многие его стихи стали прекрасными песнями.

*Михаил Рожков, доктор педагогических наук,
профессор, заслуженный деятель науки
Российской Федерации, г. Ярославль*



Зори белоствольные

Вот и поле-полюшко,
Где багров закат.
Там берёзки солнышком
Плавятся, горят.

Тихое свечение
Над родным селом.
Тени предвечерние.
На душе — светло.

В доме отчем в горенке
Ставни отворю,
В гости белоствольную
Позову зарю.

Сяду на широкую
Лавку у окна
С думою глубокою
Без краёв, без дна.

Доброе услышится,
Выплывет из грёз..
Свет зари над крышею,
Тихий свет берёз.

Родники

Лес с лугами перепутав,
Распахнула берега,
В перекатах, как славутья,
Говорливая река.

Воды катятся торопко,
Струй пружиня тетиву.
По серебряной их тропке
Струги резвые плывут.

Светлой бронзы бор стеною
К берегам речным приник,
А под кроною резною
Бьёт хрустальный ключ-родник.

Из земных глубин струится.
Слово пращура гласит:
— Слаще нет живой водицы.
Сила в ней, святой Руси!

И, напившись родниковой, —
Меч — в десницу, пошагал
Он ко полю Куликову
Иноземным встречь врагам.

С темной ратью как сходилась
Русских рать не для утех
И, сойдясь, как победила, —
То в былинных сказах всех.

...Сквозь столетий перепутья
Гонит ветер облака.
И бежит, как встарь, славутья —
Говорливая река.

И несёт нам весть от дедов:
Из глубинных родников
Кто живой воды отведал, —
Не сломить! Вовек веков!

Живём — не тужим

Жили — не тужили.
Шли навстреч ветрам.
Солнышко будили
Рано по утрам.

Словом жили добрым.
Души широки.
А рубахи мокры.
И быстры стружки.

Зверь в лесах дремучих
Смотрит из берлог:
От речных излуцин
Волок да волок.

И селенья крепки,
Как грибы, росли.
Души наших предков
В нас уже зошли.

Новые потомки.
Чьи же семена?
Русская сторонка —
Те же имена.

Мы живём — не тужим.
Встречь идём ветрам.
Солнце наше будим
Рано по утрам.

Не обижайтесь на отцов

Не обижайтесь на отцов.
Отцов своих не обижайте,
Чтоб им не снилось грустных снов,
В дом отчий чаще возвращайтесь.

И, с их ладоней сделав взлёт,
Ввысь поднимаясь, не спешите.
Отцам, стоящим у ворот,
Крылом подольше помашите.

Отцы не спят в ночной тиши,
Их вздох тяжёл от дум тревожных:
В полёте мы, их малыши.
Иначе думать — невозможно.

Вершится жизни вечный круг,
И нам в полёте беспредельном
Недостаёт отцовских рук
И голосов их колыбельных.

Придёт и мудрость, нету слов.
Опекой отчей не смущайтесь.
Не обижайтесь на отцов,
Своих отцов не обижайте.

И потому закон таков:
Жар-птицу счастья оседлайте,
А жизнь вам преданных отцов
Оберегайте, продлевайте.

Шли славяне

Шли славяне из греков в варяги,
За волною катилась волна,
Трепетали хоругви и стяги,
И была их дружина сильна.

От реки полноводной к речонкам
Наводили волоки-мосты,
И стекал по кольчугам их звонким
Пот с рубах от версты до версты.

Лады, крякнув, катились с обрыва,
Омутов разбивая стекло,
И гребцы в стрежень вод говорливых
Раз за разом вонзали весло.

Издалёка зов предков я чую.
И когда-нибудь, может, решусь,
Шаг за шагом, их следом кочуя,
Я окликнуть ушедшую Русь.

Словно пчёлы, село и деревни
Облепили лесистый угор,
А в названьях селений тех древних
Долгий волок живет до сих пор.

Век за веком шагали дружины,
Подымались селения в рост,
И стоят изваяньем былинным
Славный Волок и Волоков Мост.

А теперь я себя испытаю,
Одолею путь волоков сам,
Потому что во мне не смолкают
Дальних предков моих голоса.

Родной язык

Над этой кручею былинной
Не умолкает птичья звень.
Избушек ряд довольно длинный.
Одна из многих деревень.

В лугах — некошеные травы,
Их широта видна досель.
Там за собой мой дед, бывало,
В тумане вёл косцов артель.

Теперь безлюдно здесь и пусто.
Я вопрошаю, глядя ввысь:
— Дороги наших захолустий
В чём с веком новым не сошлись?

Ведь под бескрайним русским небом
Селений множество таких,
Где людям рай земной был ведом,
Где слово «лад» звучит как стих.

Речь моей бабки Евдокии
Такой дышала глубиной, —
Я свято верил: в город Киев
Возьму, как хлеб, язык родной...

Я из крестьянского сословья,
И мне завещано судьбой
Беречь народные присловья,
Кресты да купол голубой.

Знамёна дедов

Смолой смолистою настоян
Сегодня утренний туман,
Почётный караул построен,
На правом фланге — ветеран.

Он, право, ростом неприметен,
Вот только шрамы глубоки,
Да в сорок первом снежный ветер
Припорошил его виски.

Вот скоро трубы Дня Победы
Парад откроют, подожди,
И понесут знамёна деда
С иконостасом на груди.

Мы в лентах орденских увидим
Года остуженные те,
Солдат редеющих дивизий
На безымянной высоте.

И, оглядев их строй короткий,
Вихрастый спросит мальчуган:
— Вы били их прямой наводкой,
Скажите, страшно было там?

А дед, тряхнув седой щетиной,
Серьёзно вымолвит мальцу:
— Нам всем там тяжко было, милый,
И командиру и бойцу.

Был враг силён, и нас ломал он
До хруста мускул и костей,
Но духу русского хватало
Незванных выставить гостей.

Был до Берлина путь неблизкий,
Пока покончили с войной,
Но как длинны погибших списки,
Чей прах зарыли в шар земной.

Как много звёзд взошло в ограде,
Где спят погибшие сыны..
Стояли сёла, знает каждый, —
Не на краю — среди войны.

На пороге века

Нет, мы не то, что иностранцы.
Они блоху не подкуют,
В раздолье русского пространства
Мы с чисто русским постоянством
Всё пашем пашенку свою.

Бог в помощь нам!
Нам больше важен,
Взойдет ли вешний наш посев,
Чтобы в российские пейзажи
Вплести ещё один напев.

В Россию веруем иначе,
И в этом сладость наших мук.
Зато для нас так много значат
Родная речь и русский дух.

И, стоя на пороге века,
Своей державе мы верны
Самостояньем человека —
Отчизны вольные сыны.

Иуда

И ныне так, как тыщи лет назад.
Поделим хлеб, вино искрится в чашах.
В душе покой, да и сомнений яд
В кругу своих как будто бы не страшен.

Доверья свет, и к слову не глухи.
Нет несогласных в трапезе вечерней...
А на рассвете вскрикнут петухи,
И кто-то выдаст тайную вечерю.

Знать, до сих пор есть в мире чернота:
Корыстья зов одолевает совесть.
Добра и зла низвергнута черта..
Другие лица.. Но.. печальна повесть.

Не дождётесь!

Лезут с запада, рвутся с востока.
Да без спросу. Никто не зовёт.
Ждут да ждут, как стервятники, срока —
Вдруг падёт бездыханным народ.

Заказные писцы так «молотят»,
А «свободные» СМИ так жужжат:
Русский — лодырь, он спит без заботы,
Перепулав восход и закат.

Заварили «похлёбку» умело:
Кое-кто ей поверил давно,
Что продать можно девичье тело,
А порнуха — так это ж кино!

Чепуха! Как бы нас ни штормило,
Не дождётесь! В стотысячный раз,
В миллионный раз солнце всходило.
И взойдёт, как обычно, от нас!

Вы обманом свернули нам шеи,
И пошли мы спиною вперёд.
Но купили вы тех, кто дешевле,
Неподкупен остался народ.

Он и строит, и сеет, и пашет.
Не такой пережил он режим.
А вот солнышко красное наше
Не бывало, не будет чужим.

Гаврилинский ключ

Невесомы и незримы,
Вести добрые несут,
От крещенья серафимы
О Гаврилине поют.

О земной его юдоли,
Где он, музою пленён,
Пел о травах, хлебном поле
На созвучьях всех времён.

Как художник, он был властен
Услыхать в былинной мгле
Скомороший глас о счастье
Для рождённых на земле.

Как пророк, он был всемогущ,
Обращаясь к небесам,
Поднимать с колен Россию,
Внемля горним голосам.

Был его талант, мы знаем,
И народен и могуч.
Береги, земля родная,
Музыкальный его ключ.

Широта души

Нас тянет за границе помогать.
Себе в убыток, беспричинно рады
Последнюю рубаху отдавать
И раздавать Отчества награды.

Воюет ли с Ираком США,
Сцепились ли грузины в жарком споре, —
Российские правители спешат
Народу дать испытать чужое горе.

Щедры без памяти — подарим солнце,
Хвалясь без меры широтой души:
— Вот крабы русские! Откушайте, японцы!
А русским — ножки Буша хороши!

В своём терпеньи наш народ — кремень..
Грустит светило над родимым краем.
Из наших древних русских деревень
Уходит жизнь, а мы не замечаем.

Непостижимый человек

Как будто белая страница,
Ложится тихо белый снег.
К чему душа твоя стремится,
Непостижимый человек?

Неужто дали достижимы
И нипочём нам смена вех?
Куда спешишь неудержимо,
Непостижимый человек?

Невечен бой и бури рокот...
С самим собой наедине
Побудь. Мгновений чудных шёпот
Услышишь в звонкой тишине.

Только ту

Полюбить так только ту,
От которой дух захватит,
И желание вдруг охватит
Взять любую высоту.

Ту любить, с которой жить,
Счастье каждый день итожа,
Зная — нет её дороже.
Жить — не сено ворошить.

Полюбить — так полюбить,
Чтобы знали все отныне:
Вот она — моя богиня!..
И не вздумайте отбить!

Свет любви

На бору зацвёл подснежник,
Вспыхнул каплей голубой.
Как из дальних побережий,
Я несу твой образ нежный,
Детства первая любовь.

Истомлённые печалью,
Оглушённые тобой,
Мы страдаем изначально...
Далеко до уз венчальных...
Ах ты, юная любовь!

А потом горим до донца,
Воскресая вновь и вновь
Под твоим палящим солнцем.
В дверь ворвёшься и в оконце,
Всемогущая любовь!

И оправданы затраты:
В шалаше свиваем кровь,
И замужним и женатым
День за ночью всё отрадней, —
Вот что делает любовь!

Детям вверены надежды...
Годы, годы студят кровь,
Крутом жизни, как и прежде,
Вопреки позёмке снежной,
Как весна, идёт любовь!

Дух силён у тех, кто любит.
Всё таким дано суметь.
Не напрасно люди судят:
Если что-то и погубит
Свет любви — так это смерть.

Свет любви одним касаньем
Все привычные черты
У простых земных созданий
Обернёт — удел мечтаний —
В гений чистой красоты.

Так велось и так ведётся,—
В этом суть её и власть,
И от сердца к сердцу рвётся,
И двоим она даётся —
Человеческая страсть.

Цепи Гименей

Ты можешь мне не сниться,
Но каждым утром вновь
Как солнцу певчей птицей
Воспой свою любовь.

Улыбкою, как хлебом,
Да песнею зови.
Да меж землёй и небом
Жги зарево любви.

Тепло очей влекущих
Огнём взойдёт в крови, —
Я пленник всемогущей
Большой твоей любви.

Двух душ услышать трепет,
Сердцами пламенеть, —
Легки, нарядны цепи
Сковал нам Гименей.

Любовным своим зельем,
Настоем отрави...
Я сам на эту землю
Пришел из-за любви.

Снежинки

Кружатся, летят снежинки
Из ломкой морозной ткани,
И каждая — как картинка
С узорными лепестками.

Ну что же в этом такого?
Ведь есть чудеса на свете,
И есть волшебное слово,
Так нужное взрослым и детям.

Вселенная так всеильна,
Ну как не воспеть кумиров,
На хрупких хрустальных крыльях
Плывущих над нашим миром?

Как в выси небесной где-то,
На грешной Земле, я знаю,
Как крохотная планета,
Жизнь, новая жизнь взлетает.

Присяга

Сердце песней полнится до края,
Как в весну влюблённого скворца.
Я тебе, родная, присягаю
В верности до самого конца.

Кровь во мне отважных поколений.
Облик мой — их гордая печать.
Пред тобою я склоню колени,
Чтоб твои колени целовать.

Звёздочка на ладони

И неба синь и белизна снегов,
И зимних дней суровые приметы.
Палитра их — морозные букеты,
И неба синь и белизна снегов.

Меня бодрит дыхание зимы.
Его настой хмелит и опьяняет.
Я пью его, и рифмы оживают.
Меня бодрит дыхание зимы.

Как хорошо попасть во власть мечты:
Сосульки грызть, мир оглашая хрустом.
Душа полна каким-то новым чувством!
Как хорошо попасть во власть мечты!

Вот звездочка упала на ладонь.
Врата небес широко распахнулись.
Я не дышу, — боюсь, — ее спугну я:
Звезда ко мне упала на ладонь!

Запряги-ка тройку!

Лебединым пухом белый снег.
Звезды в небесах зажглись и манят.
Запряги-ка тройку, человек,
Да садись в узорчатые сани!

Детвора затеяла возню,
С горки всем охота прокатиться.
Дед за внуком вышел на лыжню,
Сколько зим видал — не надивится.

Поле серебрится под луной.
Кажется, совсем, совсем немного
И взовьется птицей подо мной
Конь, взлетит над зимнею дорогой.

У мороза твёрдая рука.
И его повадки нам знакомы.
Как он сам-то? Не замёрз пока?
Каково ему в волшебном доме?

В родниках хрустальная вода?
Ей тепло в земли родном сосуде.
Зимушки суровой холода
Преданное сердце не остудят.

Шаги весны

На небе солнышко лучисто.
Остался маленький шажок,
Чтобы деревья кроной листьев
Укрылись в свой законный срок.

Они шаги весны считают,
Спешат, испив земли настой,
Набросить скромный поначалу
Наряд из зелени густой.

И, ожиданием томимы,
Согреты солнечным теплом,
Привстали на корнях родимых.
Ещё чуть-чуть — взмахнут крылом.

Вербная молитва

И лыжи ещё в моде,
И крепок ещё снег,
Зато часы природы
Ускорили свой бег.

Ещё заметно в марте
Дыханье февраля,
Но с каждым днем азартней
Ждёт солнышка земля.

А солнце плавит небо
Уже не с той лентой.
Дымит сосновый гребень
Кремневым ружьёком.

И, людям на потеху,
Как будто весть подаст,
На всю округу эхом
Скрипит под лыжей наст.

Чу! Звон хрустальный слышен
Сосулк-бубенцов.
Скворечники над крышей
Пернатых ждут жильцов.

И снежная палитра,
И неба синь без дна,
И вербная молитва,
И всё это — весна!

Вечное движение

Струится светлая вода
И лижет камень торопливо,
На дне песчаном иногда
Трава колыхнется лениво.

Увидишь их живую связь,
И разрушаются сомненья,
Когда вершится, не таясь,
Природы вечное движенье.

Мой разум, чувства мне не лгут.
Я околдован этой встречей,
Я не хочу и не могу
Поверить в то, что сам — не вечен.

Но я не дам себя стереть
Подобно маленькой былинке,
Назло всему, приду смотреть
На вечный бой струи с песчинкой.

Первое сентября

Годы педагогов не состарят,
Голос от волнения дрожит,
Спутник нашей юности — гитара
На сердечных струнах говорит.

Храмам древним впору подивиться,
Загудели в них колокола:
Солнышко от радости искрится,
Вся линейка празднично светла.

Ничего, что видимся мы редко,
Так, наверно, было суждено,
Но за жизнь отличные отметки
Получаем, как заведено.

Годы пролетели птичьей стаей,
Только мы по-прежнему, как встарь,
В сентябре с ребятами читаем
Книгу Книг великую — Букварь.

В этой книжке истину простую
Не усвоить было нам нельзя:
Как один, за жизнь проголосуем
И за встречи новые, друзья!

Колокольни звонят

Дети — это великое чудо.
Стать волшебником надо уметь.
И учитель волшебником будет,
Если сердцу не дать постареть.

Припев:

Пусть плывут над родиной привольной
В сентябре туманные дымки,
Год учебный встретят с хлебом-солью
И учитель и ученики.

Как Ушинский, а, может, Шаталов,
Я новаторски в школе тружусь,
Лишь бы времени в сутках хватало —
Я стореть для детей не боюсь.

Припев.

Ничего нам, пожалуй, не надо,
Лишь стояла бы вечно она,
Украшала деревни да грады,
Хорошела моя сторона.

Припев.

Колокольни звонят: к параду!
В кружеве морозном строй берез.
Посреди зимы кому-то надо,
Чтоб в единстве все это слилось.

Припев.

Бремя славы

О, бремя славы, как ты нелегко!
Жизнь меряешь не часом, а минутой.
И даже за движенье облаков
Ты вроде бы в ответе почему-то.

О, доля славы, сладок твой пирог!
Но как остры зубцы твоей короны,
И сколько пар изношено сапог
При трудном восхождении на троны.

О, слава звёздная! Желанна и близка!
Но почему сместились все акценты?
И с высоты не глянешь свысока,
И бьют часы: пора платить проценты!

Настанет день

Настанет день, и, как сказал поэт,
Всё будет вновь, ничто не повторится.
И будет прав. Сомнений в этом нет.
Одно уйдёт, другое — вновь родится.

Спешу, лечу, и на исходе дня
Вослед себе я гляну. Ну и что же?
Я — лишь частичка Вечного Огня.
Спасибо, Жизнь! Ты с каждым днём дороже!

Берёзовые свечи

Млечный путь парит крылатым аистом.
Зеленеет озимая рожь.
А под сень таинственную августа
Позвала гармошка молодёжь.

Дни уходят лесенкой неровною,
Двух похожих не найдёшь среди них.
Поменяв одежды лета скромные,
Каждый нарядился как жених.

Ивы растерялись одинокие:
Зарево лесов листвой не сбить.
Птицы перелётные высокие
Будут над костром лесным кружить.

Вяжет осень кружево узорное,
Колдовскими чарами маня,
И горит свечой нерукотворною
Во поле берёзонька моя.

Вижу я в природе эту чистую
Времени связующую нить,
Оттого и хочется неистово
Всё вокруг родимое любить.

Травам снятся сны

Из леса выйдя, встану я
И крыши изб пересчитаю,
Душа-грустиночка моя
Поклонится родному краю.

И лес, и поле, и луга,
Где трели звонкие звенели,
Лежат, безмолвные, в снегах,
Над ними кружатся метели.

Молчит отцовский старый сад,
И дом молчит заиндевельй.
В большой деревне редок ряд
Дымков из труб — платочков белых.

Под слоем льда молчит вода.
В сияньи снега — море света.
Плывет снежинка, как звезда.
А травам снятся сны о лете.

Гляжу встревоженной душой
На жемчуга полей в надежде,
Что заиграет мир большой
Палитрой красочною прежней.

Природа вешний примет старт,
И вместе с тальми снегами
Помчит тревоги мои март
От сна восставшими лугами.

А птицы надо мной кружить
Начнут, с собой неся удачу,
И гнёзда вить, а это значит —
Я буду счастлив, буду жить!

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Первая песня

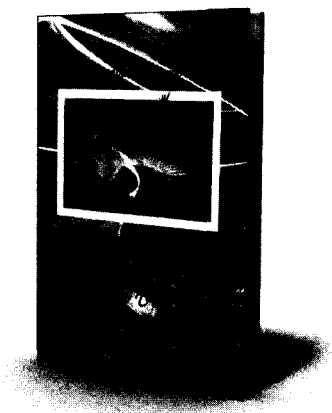


Имя сборника — «Первая песня». Разговор о любви, вернее, любовная исповедь, — непременно и всегда первый разговор, первая песня, по-другому быть просто не может. Легко улавливаются интонации Фета, Тютчева, Алексея Константиновича Толстого, Николая Рубцова... И было бы удивительно, если было бы иначе: Валерий Судаков не просто человек, связавший всю свою судьбу с учительством, он русский человек, выросший в этой культурной традиции, немислимой без её наполнения голосами великой поэзии.

На стихи Валерия Судакова сложена уже не одна песня. Может быть, в потоке современной поэтической продукции как раз и не хватало именно таких стихов, которые можно петь? Что плохого в том, что нам предложена книга-романс?

Наше время, вроде бы, не для лирики, тем более не для песен, особенно песен, которые нужно не просто слушать, в которые надо вслушиваться. Ценность стихов Валерия Судакова состоит ещё и в том, что после них хочется вновь открывать и перечитывать русских поэтов двух прошедших веков. Это дорогого стоит.

Вячеслав Вахрамеев, победитель Всероссийского конкурса «Учитель года-2010»



Первая песня

Тебя обойти бы сторонкой,
Как дождик косой на лугу,
Но... помню шальную девчонку
Да сено в помятом стогу...

В глазах — изумрудная спелость,
И я — изумленья тая,
Совсем не приметил, как спелась
Та первая песня моя.

Как много упало туманов!..
И скошено столько травы!..
Выбрасывать песню не стану
Никак из седой головы.

А память летит косогором,
Где спелые травы шуршат,
Туда, где в зелёных озёрах
Моя утонула душа.

Зря обиделась

Что же ты, душа моя, обиделась?
Я тебя совсем не обижал.
Хочешь поклянусь: тебе привиделось,
Что меж нами кто-то пробежал.

У осин багряных за околицей
Сорван ветром праздничный наряд.
За любовь любовью платим сторицей, —
Это верно люди говорят.

Смолк за голубыми перелесками
Клёкот поздней стаи журавлей.
И горят алмазными подвесками
Ветви у задумчивых елей.

Осень! Не скупись на краски синие
И на золотые не скупись.
Ты не дай, любовь моя, чтоб инеем
Замело оставшуюся жизнь.

Узкой остывающей полоскою
Нехотя поднимется заря.
Только нам знакомою берёзкою
Я клянусь, обиделась ты зря.

Сиреневый рассвет

Весну природы клён встречает.
Склоняясь кроною резной,
Он думы тайные вверяет
Кусту сирени кружевной.

В весенней неге лес и поле,
Озёр задумчивая гладь.
Я без тебя решить не волен,
Судьбу какую выбирать.

Зачем из глаз твоих огромных
Струится тихий нежный свет?
Зачем под клёнами нескромно
Горит сиреневый рассвет?

Зачем изогнута подковой
Озёр задумчивая гладь?..
Быть может, мне с тобою снова
Рассвет сиреневый встречать...

Всё равно

Всё равно я с тобою хожу
По просёлочной зимней дороге,
По осеннему лесу брожу
И по рощам берёзовым строгим.

Всё равно я тебе покажу,
Где зарыт клад земли настоящий.
Я тебе докажу, докажу,
Что с тобою я только и счастлив.

Всё равно я с тобою пройду
Воду, пламень и медные трубы, —
Лишь бы знать, что в конце я найду
Твои руки, твой взгляд, твои губы.

Всё равно буду слушать с тобой
Шёпот листьев и птиц щебетанье.
Я тебя уведу за собой
И твоим завладею вниманьем.

Завладею вниманьем твоим,
Вновь увижу ресниц трепетанье.
Всё равно хорошо нам вдвоём,
Как на самом на первом свидании.

Всё равно над тобою склонюсь,
Припаду к твоему изголовью,
До утра буду пить — не напьюсь
Я твоей, самой чистой любовью.

* * *

Нет, нельзя забывать про любовь.
И под лунным мерцающим светом
Не жалею я ласковых слов,
Хоть сама ты не просишь об этом.

Разве можно забыть про любовь,
Не идти нашей юности следом?
Ты меня позови — я готов —
Где бы ни был, к тебе я приеду.

Не могу я забыть про любовь,
Про томленья часы и минуты.
Среди южных широт, средь суровых снегов
Сердце хочет любви и уюта.

Сколько б ни было лет позади,
Никогда не скажу я: уйди!
И никак быть не может иначе!
Без любви ничего жизнь не значит.

Помнишь, как над сторонкой лесной
Птицы белые рядом летели?
Так и наша любовь и зимой и весной
Будет жить, лишь бы мы захотели.

* * *

Изменило мне счастье земное,
Разорвался мой жизненный круг,
С сердцем что-то случилось такое,
Что словами не выразишь вдруг.

И мечусь я, смятенье скрывая,
Словно стая испуганных птиц.
Вместо прежнего светлого рая —
День за днём — как решётки темниц.

Сам себя истязую работой,
Как того не желаю врагу, —
До кровавых мозолей, до пота
И до боли на каждом шагу.

Тяжело, одиноко, тревожно...
О, судьба, научи, как мне быть,
Если ясно — никак невозможно
О любви и любимой забыть.

Нежность

А мне по нраву слово «нежность».
В нём — шёпот светлых струйных вод,
Дубрав тенистых безмятежность,
Лугов цветущих хоровод.
В нём — сизый дым речных туманов,
Мерцанье утренней росы,
Надежда вспыхнувших романов,
Томленье девичьей красы.
...А если нежность вдруг обманет,
То остановят бег часы.

* * *

Родная, как тебя благодарить?!..
За это счастье и неутолённость,
За эту радость, эту окрылённость,
За нежность ласк, которых не забыть.

Родная, как тебя благодарить?!..
За то, что солнца свет не пролетает мимо,
За то, что мне отрадно быть любимым,
За то, что снова хочется мне жить.

Родная, как тебя благодарить?!..

Влюблённое сердце

И половодья чувств игра,
И жизнь неоценима,
Когда сегодня, как вчера
Вы влюблены, любимы.

И не порвётся нить судьбы,
Вы Божеством хранимы.
Рука в руке. Попробуй быть
Влюблённым и любимым.

И сердце бьётся горячей,
И душу грусть не гложет,
Когда Вы вовсе не ничей, —
Влюблён, любимый тоже.

И светел каждый новый день,
Надеждой озаримый.
И нет неодолимых стен,
Вы влюблены, любимый.

И путь далёкая звезда
Лучом прочертит зримо
Для счастья долгого, когда
Вы влюблены, любимы.

И не порвётся нить судьбы,
Вы Божеством хранимы.
Рука в руке. Удел Ваш — быть
Влюблённым и любимым.

Эх, мужики!

Кто-то зовёт тебя ласточкой.
Ласточка гнёздышко вьёт.
Ласточка, стало быть, ласкова.
Эх, мужики, эх, народ!

Кто-то заметил растерянно:
— Глянь-ка, как лебедь плывёт.
Видно, с любовью немерянной.
Эх, мужики, эх, народ!

Кто-то шепнёт ей: — Журавушка!
Каждая тоже поймёт:
Тише воды, ниже травушки.
Эх, мужики, эх, народ!

Кликали утушкой девицу.
Утушка в песню войдёт.
Надо друг другу довериться.
Эх, мужики, эх, народ!

Кто-то зовёт тебя горлицей, —
Нежность в мужчине живёт.
Надо любить, а не ссориться.
Эх, мужики, эх, народ!

С утушкой, горлицей, ласточкой
Истина та не умрёт:
Живы, покуда мы с ласкою.
Эх, мужики, эх, народ!

Воспойте женщину

Ларисе Кочешковой

Воспойте женщину, поэты,
Во мгле ночей, при ясном дне.
Пусть будет образ её светел
На стихотворном полотне.

И, вдохновением подкован,
Пусть мчит крылатый ваш Пегас.
Потомки из искры бывшего
Костёр любви зажгут не раз.

Пусть будет женщина одета
В льняное платье иль атлас.
Свою Людмилу иль Джульетту
Узнает каждый в ней из нас.

Любите женщину, поэты,
Слагайте оды, что она —
Земных земнее, и при этом
Вся тайной тайн окружена.

Она в сей мир пришла из сказок,
Как божество явилась вдруг,
Как символ веры и загадок,
Как воплощенье сладких мук.

И все тревоги отступают,
Стихают вьюга и гроза,
Когда любовью полыхают
Её прекрасные глаза.

Для тебя

Поклонюсь вам, лазурные дали,
 Попрошу я рассвет голубой,
 Чтоб подольше они охраняли
 Моё светлое счастье с тобой.

Я возьму чистоты у пороши,
 У рябины огонь отниму,
 Для моей ненаглядной, хорошей
 Я у солнышка лучик возьму.

Одолжу я силёнки у дуба,
 Я отваги у бури займу
 И тебя, моя нежная любя,
 Я обидеть не дам никому.

Я не грустный осенний листочек
 В остывающем зимнем лесу,
 Я любимой не просто кусочек —
 Сердце, полное счастья, несу.

Счастье

Ах, какие мне ведомы муки!
Ах, какая мне ведома грусть!
Ах, как тянется долго разлука,
Как томится от нежности грудь!

Ах, какие тяжёлые косы!
Ах, какая в глазах полумгла!
Дождь, и тот к тебе клонится косо —
Поглядеть, до чего ты мила.

Наклонись ко мне с лаской прощальной,
Когда в дальние дали пушусь,
Я уеду ребёнком печальным,
Зато радостным самым примчусь.

И тогда, по тебе истоскуюсь,
Я не скрою волненья в крови,
Захлебнусь я от счастья, целуя
Твои руки и губы твои.

Женская слабость

Елене Сидоровой

Не бойся слабости, не бойся,
Не изменяй сама себе.
Она в тебе не слабость вовсе,
А признак счастья в судьбе.

Будь слабой, как бы ни слепило,
Ни возносило бытие.
Ведь слабость женщин — признак силы,
А не отсутствие её.

Зимние грёзы

Хорошо бы с тобою встретиться,
Когда звёзды замедлят бег,
Распушит когда хвост метелица,
Когда вьюжится первый снег.

Шли бы рядом тропкою узкою
К храму светлому у реки,
К рукотворному чуду русскому,
Где касания душ легки.

Есть какая-то неизбежность,
Когда в рое метельных ос
Закипает вдруг сердце нежностью,
Слыша музыку зимних грёз.

И звучит она просто и зримо,
Вторя тактам величья Зимы.
Этой музыкой мы хранимы,
Этой музыкой дышим мы.

Свет зари

Река змеёй струилась, извивалась,
А свет зари гулял по берегам.
Смотри, как жизнь над нами насмеялась,
Вплела в виски седой речной туман.

Её повадки сложные и душу
Наверняка признать пришла пора.
Постой со мной, пожалуйста, послушай,
О чём шумят-витийствуют ветра.

И что они нам ныне напроносят
Витии-ветры в белых облаках?
Небось, о том, что Бог даёт отсрочку
Сгущать туман в любимых волосах.

Пускай любовь, как белый аист, кружит
Над головами нашими всегда.
И потому нам вовсе и не нужно
Считать, вздыхая, годики-года.

И как бы жизнь над нами не смеялась,
В виски вплетая мглы седой туман,
Лишь бы река струилась, извивалась,
А свет зари гулял по берегам.

Клянись любить!

Люби, но так, чтоб сердце пело,
А звёзды сыпались с орбит.
Земной любовью только смелость
Всегда во всём руководит.

Люби, но так, чтоб узнавали
С полвзгляда: молод он и юн,
Чтоб всем на зависть трепетали
Аккорды двух сердечных струн.

Люби, как будто бы случилось
Последний день дышать и жить.
В любви — небес высоких милость
И душ спасительная нить.

Дано любить, и слава Богу!
Огонь любви рассеет мрак.
Иди пылающей дорогой,
Клянись любить! Но только так!

* * *

Есть душ счастливое сплетенье,
Где незаметен переход
От тайных дум к страстей смятенью,
А иногда — наоборот.

Сплетенье душ — как дар природы,
Чтоб сами мы понять могли,
Что нет желаннее исхода
Ва-банк играющей любви.

Здесь каждый взгляд поставлен на кон.
Здесь затаённая мечта
Не отвергает робких знаков
В любимых избранных чертах.

Здесь разум следует за чувством,
Он вовлечён в его игру.
И в том великое искусство —
Гостить на собственном пиру.

Любовь

Любовь приходит не сразу, не вдруг.
Она выплывает издалека,
Из недр души, из неясных мук,
Она начинается с чувственных выюг,
Себе самому непонятных пока,

С ночей, состоящих из рвущихся снов,
Рекой полноводною, как не скрывай,
Сотрёт очертания берегов
И хлынет в луга через край.

Как в бурю, подымутся волны любви,
Летучий огонь её ярок и жгуч.
И как ты к смиренью себя не зови,
Вонзится стрелой в сердце солнышка луч.

Сопротивленье ума не впрок,
Взбулгачит чувство его до дна.
Сдаётся разум. Приходит срок,
И торжествует любовь одна.

* * *

Любовь — и осень и весна:
То опалит она как солнце,
А то задумчиво грустна,
То тихой радостью зальётся.

А мне неслыханно везло,
Не стоит в этом сомневаться:
Легли морщинки на чело,
Зато внутри всё те ж семнадцать.

И от пылающих огней
Теплом душа моя согрета,
Несёт меня табун коней
Сквозь зимы в солнечное лето.

* * *

Мороз сегодня колется как ёжик.
Скрипит под каблуком январский снег.
На всех влюблённых чуточку похожий,
Торопится хороший человек.

В руке его пунцовые бутоны.
И парень шаг печатает легко.
А снег под каблуком хрустит и стонет.
И поступь парня слышат далеко.

Глаза у парня ярче синей краски.
Наверно, знает девушка одна,
Какою удивительною лаской
Пропитана душа его до дна.

Наверно, в парне клад она открыла.
Смотри-ка, как высоко вознесли
Любви большой невидимые крылья
Восторженного жителя Земли.

Спешит он, светозарный, яснолицый,
Летит навстречу собственной мечте
И будет восхищаться и молиться
Девичьей богоданной красоте.

На всех влюблённых чуточку похожий,
Торопится хороший человек.
И колется слегка морозный ёжик,
И весело скрипит январский снег.

Куковала кукушка

Куковала да тешила —
И сто лет и сто зим!
Был я всадником — спешила,
На висках — седой дым.

Вечерком до полуночи
Помечтаю о том,
Чтобы все переулочки
Приводили в твой дом.

Куковала бесстыдница
Так, что пенилась кровь.
От тебя мне не вырваться —
Вот такая любовь!

Месяц выплыл над раменью
В поднебесном окне, —
Мол, я тоже не каменный, —
И подмигивал мне.

Снегурочка

Стелет снегом улочки,
Вьюги голосят.
Ты идёшь Снегурочкой —
Праздничная вся.

Фонари дорожные
Средь белёсой тьмы.
За тебя тревожно мне
В вихре злой зимы.

Светишься ты радостью,
Счастьем вышит след.
На душе-то градусник —
Минус тридцать лет!

Встречь тебя сквозь иней,
Сквозь снегов пургу
По метельной линии
Я бегу, бегу.

Обниму Снегурочку,
Встречу нежный взгляд,
И пускай над улочкой
Вьюги голосят.

Береги любовь!

И под звёздами искристыми,
И на солнечной тропе
Ты люби, люби неистово
Друга, верного тебе.

И любовь повсюду скажется.
И под куполом небес
Самому тебе покажется:
Мир полнёхонек чудес.

Не скупись! Люби! Воистину
От любви сходи с ума.
В час урочный, в миг единственный
Всё вернёт любовь сама.

Склонишь голову повинную
Перед блеском милых глаз,
И огонь в поре рябиновой
Души высветит у вас.

Так люби! Спешి довериться
Чувству пламенному вновь.
Береги её как первенца —
Ненаглядную любовь!

* * *

Хочешь быть — останься крепостью,
Но любовь отдай в залог.
Худшей не было б нелепицы —
Рвать оков твоих замок.

Видишь, майские черёмухи
Затопили все дома.
Как от солнышка подсолнухи,
От тебя я без ума.

Покажись, сама рассеешь ты
Взглядом ласковым тоску —
Сколько дней увидеть смеем мы
Самых светлых на веку.

* * *

Сияет зеркало воды,
Когда нагая,
Своей смущаясь красоты,
В него ступает.

Греха и блага нет черты,
Не видно граней —
Ведь откровенье красоты
Нас не обманет.

Осока гладь реки сечёт,
Струятся пряди.
Вода хрустальная течёт —
Лишь женщин ради.

* * *

Так просто, естественно, мило —
Исхода не ведала ты —
Взглянула и вмиг ослепила
Сиянием каждой черты.

Твой взгляд, прозвучавший как выстрел,
Такое во мне сотворил —
Наверное, я, как мальчишка,
Не вслух, про себя говорил.

Я помню тот вечер осенний,
Где поздняя — жгла красота.
Но ты появилась, как гений,
И в сердце вошла навсегда.

* * *

Свет надежды в утре раннем,
Небеса в голубизне.
Выстилают путь туманы
Разгоревшейся весне.

Как явилось и откуда,
Льды обрушив кулаком?
Это чувство, это чудо
К сердцу вышло прямоком.

В наготе своей стыдливой,
Вопреки молвы весам,
Поселилось это диво
Для меня в твоих глазах.

Разлилось сплошным потоком,
Сдвинув думы-ледники,
Сорвало с сердечной стропы
Стопудовые замки.

И теплом своим и светом
Потеснило грусти тень,
У души озябшей ветви
В зелень нежную одев.

Изумрудною тропинкой
Средь сухой травы забот
Пролегло живой травинкой,
Календарь смахнув невзгод.

За словом
вещи



*Посвящаю утру раннему,
Посвящаю дню пригожему
Золотое заклинание,
Где слова как песни сложены.*

Эти простые строки Валерия Судакова — лейтмотив его поэтического творчества. Удивительные стихи — добрые, искренние и чистые песни. В них звенят ручьи, стонет вьюга, тихими осенними вечерами садится, ничуть не смущаясь, на колени Поэту Муза...

А Поэт заклинает себя «быть в поэзии двужилым», встречает радостно друзей, носит на руках Женщину, ту единственную, с которой возвращается ежегодно к тому месту, где всё вспоминает о начале их любви, с грустью размышляет о судьбе нашей многострадальной России, без горечи, назидания и упреков говорит о молодом поколении...

Учёный, общественный деятель, главный редактор семидесятитомной «Книги Памяти Вологодской области», профессор, строгий учитель и мягкий застенчивый человек Валерий Васильевич Судаков раскрывается на страницах своих поэтических сборников как тонкий лирик, скромный русский поэт, воспевающий любимую малую Родину, верящий в её животворную силу, правду, терпение.

Его стихи тоже своеобразная книга памяти поколения, на долю которого выпали тяжкие испытания и счастье созидания, горечь утрат и радость открытий, того поколения, которое, невзирая на годы, может с радостью пропеть: «Как здорово всё-таки жить!»

Борис Гранатов, народный артист РФ, художественный руководитель Театра для детей и молодёжи



В гостях у родины

Будто вытканы из грёз,
Вьются думы веретёнцем
Возле рожицы берёз,
Обожжённых жарким солнцем.

Деревенское жильё.
Деревянные узоры.
Простодушное житьё,
Без кавычек разговоры.

И цепляет, как магнит,
Непорушенная честность.
Перезвонами звенит
Чисто русская словесность.

Я у родины в гостях.
Песня жаворонка льётся.
Обойду свой березняк,
Солнце выну из колодца.

Автобиография

Я был рождён в Стране Советов,
Был к цели общей устремлён.
И для крестьян и для поэтов
Достойней не было времён.

Я рос в Стране Социализма,
Она мне матерью была.
Растила мудрая Отчизна
Детей на добрые дела.

Я пел во времена Союза —
Семьи несметных языков —
Гимн о священных братских узах,
Освобождённых от оков.

Я верил планам Пятилеток,
Я их запомнил навсегда.
И рубежи высоких меток
Не стёрли новые года.

Хвала Отчизне, дух мой молод!
Мне дорог прежний красный флаг,
Крестьянский серп, рабочий молот,
Победоносной жизни шаг!

Песнь о вещем

Я был ребёнком и украдкой
Любил в метельную пургу
Идти дорогой без оглядки,
Слова рисуя на снегу.

Мелодий звук я слышал рано.
В просторах снежной чистоты
Мечты о выдуманных странах
В стихах пытался воплотить.

Листы заснеженной тетради —
Творенье неумелых рук —
То прятали сугробов складки,
А то пурга сметала вдруг.

С годами рифма стала взрослой,
Я научился высекать
Из толщи слов созвучий гроздь
И вторить певчим голосам.

Как вещей знак благословенья —
Метельной песней на устах
Мне посылало Провиденье —
Расти в поэзии садах.

Вот потому люблю украдкой
Уйти в метельную пургу
Навстречу музе без оглядки,
Слова рисуя на снегу.

Мои стихи

Из солнца брызг, из звуков песенных
Мои составлены стихи,
Они рождались в дни воскресные,
В них утра раннего мотив.

Стихи, как дети, быстро выросли,
Моей любовью крещёны.
Со дна души, наверно, вынесли
Страстей бушующих огни.

Я взял народа слово меткое,
Отчизны милой добрый свет.
Я не хвалюсь своими предками,
Во мне такой корысти нет.

Слова приходят вещёй птицею,
Но звук ушедших голосов
Я слышу днём, он ночью снится мне
Под мелодичный стук часов.

Когда дойду до эпилога я,
Любой, кто понял страсть мою,
В стихах отыщет аналогии
И с жизнью в песенном краю.

С кем боги?

Жизнь так много припасла
Без числа, без меры —
В ком-то слишком много зла,
В ком-то мало веры.

Кто-то вместо городов
И садов зелёных
Набросать пейзаж готов
Чёрных полутонов.

А другому и в снегах —
Звёздная дорога.
Право, трудно иногда
Распознать, с кем боги.

Закаты золотые

Брату Гурию

Поклянусь тебе ликом заката
И студёнистым Чёрным ручьём
В том, что оба мы не виноваты
Перед нашей деревней ни в чём.

Нам бы только домчать до избышки,
Где встречала нас добрая мать,
С солью крупною хлеба горбушку
Пополам разделить и кромсать.

Выйти только бы нам на опушку
И сосновой смолой подышать,
И послушать в заречьи кукушку
И друг друга без слов понимать.

Боль свою ни вином и ни водкою
Мы не стали б с тобой заливать,
Ведь она — не тоска мимолётная,
Мы её научились скрывать.

И за нас в небе синем прогалины
И молочный рассветный туман
Обо всём, что в душе, рассказали бы
Даже лучше, чем старый Боян.

Пусть о том в лесу ухают филины,
Пусть шумит половодья лёд,
Нарисует пусть всё, что любили мы,
На закате из золота свод.

Огни воспоминаний

Пустует отчий дом.
И слёзы душат.
И думы кувырком
О том, минувшем.

Крестьянская изба
Из простодушья,
Как тучные хлеба,
Растила души.

И вольно жили в ней.
И радость знали.
И память — из огней
Воспоминаний.

Ржавеет у крыльца
Изгиб подковы.
Печальнее конца
Не знать б такого.

Окошек тусклый глаз
Глядит незряче.
Жалеет, может, нас,
А может, плачет.

Русич я

Александрю Быкову

Да, русич я.
Горжусь своей породой.
Молюсь лесам
И небу с синевой.
Как пращур мой,
Вхожу я в храм природы
И становлюсь сам
Птицей и травой.

В моём роду
Пахали, засевали
Клочок земли
И в урожайный год
Насущный хлеб
С поклоном убирали,
Смахнув с лица
Солёный липкий пот.

Да, русич я.
Люблю церковны звоны
И вспышки красных
Снегирей в снегу.
Я в Русь свою
С рождения влюблённый,
И потому всю жизнь
Я перед ней в долгу.

Привет родному краю

Река струится. Даль синееет.
Взовьётся дух от красоты.
Ведь нет угла земли роднее,
Где захотел родиться ты.

В душе восторг и ликование —
Здесь Русью пахнет! И она,
Сквозь все года и расстоянья,
В меня без меры влюблена.

И я стою, обласкан солнцем,
Пред этим чудом из чудес,
Готовый сам испить до донца
Бальзам ликующих небес.

Как этой шири не хватало!
Мой край, я вытерпел едва,
Принёс, — мне сердце подсказало, —
Тебе приветные слова.

Сказка-полынь

Вид деревенский — как диво.
Глаз куда только ни кинь,
Травы, цветы и крапива
Тянутся в знойную синь.

Резвые струи с задором
Бьются в речной пережат.
В небе цветастым узором
Тучки плывут на парад.

Избы за редким забором
С серой шершавой доской.
Дела крестьянского море
Справлено крепкой рукой.

И не велением рока
(В том поручусь головой)
Русской деревни жестоко
Сломан хребет становой.

Вечно она на подхвате,
Власти извечно ей лгут,
От веку подати платит
И остаётся в долгу.

Люд деревенский недаром
Чахнет в словесном дыму,
От депутатских базаров
Мочи не стало ему.

Стынет под знойною синью,
Глаз куда только ни кинь,
Дивное диво России —
Горькая сказка-полынь.

Цена победы

Я начал жить в поре немирной.
В войну родила меня мать.
Есть книги о том и картины,
Да можно ли всё описать?

О сечах, лихих и жестоких,
В российских полях и лесах
Давно стихотворные строки
На книжных легли полосах.

Но коротко, словно бы тенью,
В ликующий праздника день
Пройдутся на тризне весенней
По горю моих деревень.

Мы помним: под свист соловьиный
По огненным вёрстам войны
Из сёл уходили мужчины
На бой, на защиту страны.

Мы помним: то не было сказкой,
Склонившись к жнивья полосе,
В плуги, в борону, как савраски,
Впрягались и женщины все.

Деревня — не знал лютый враг —
Взяла оборону кругом.
И воин-работник был дорог —
Победу крепил он трудом.

Взгляните в бездонное небо,
Прочтите на облачной мгле:
А без деревенского хлеба
И миру б не быть на Земле.

Не прощаю

Я не прощаю ненадёжных.
Они, в доверие войдя,
Приличья света соблюдая,
Решать проблем не станут сложных.

Я не прощаю ненадёжных.
Они, ничуть не сострадая,
В делах и помыслах петляют,
Причём с искусством всевозможным.

Я не прощаю ненадёжных.
В них до предательства — полшага.
Жаль, там, где счёт сводили шпагой,
Уж нынче выглядит курьёзом.

Я не прощаю ненадёжных,
Но не чиню им притеснений.
Они — как тучи в день осенний —
Плывут и хлюпают от дрожи,
И льют дожди на мир тревожно...

Я не прощаю ненадёжных.

Страдать по-русски

Все желанья когда-то сбываются.
Но всплывают сомненья, как дым:
Отчего век прожить, век и маяться
Нам дано под шатром голубым?

К тайнам русской души неразгаданной
Не успели ключи отковать,
Зато сколько словесного ладана
Напустили — пути не видать.

А засовы души не раздвинуты,
И, сомненьем намучившись всласть,
К небесам обернёмся отринутым.
И откуда же в нас эта страсть?!

Мелодии осени

И по-прежнему светят окошки,
И горят синевой небеса,
Но рассыпались думы горошком,
И подёрнулись влагой глаза.

Будто та же лесная дорога
Убегает в таёжную даль,
Но другая на сердце тревога
И другая в нём грусть и печаль.

Будто те же мелодии, те же
Льются с неба, как было всегда,
Только в песне, по-прежнему нежной,
Догорает надежды звезда.

Те же ветры тутие над кущей,
Наигравшись, умчались в зенит,
Но как будто мне ранили душу
Отзвеневшие иглы сосны.

То же солнышко щедро лучами
Глянец сосен до пят золотит.
А душа, будто птица крылами,
Так трепещёт, хоть криком кричи.

Зимы краса

Л. Чайкиной

Красота!
А как славно-то, Господи!
Тихий вздох,
Нежный свет,
Белый снег.
Ничего нету краше и проще-то
Этих зимних забав и утех.
Мне зима —
Как бальзамом по ранам.
Открываю
В морозище дверь,
А навстречу,
Пыхтя спозаранку,
В губы с лаской
Мороженный зверь.
Утро белое, утро свежее.
Белым жемчугом
Снег искрит.
А из белого
Утра снежного
Кто-то нежное
Говорит:
— Ох, не рано ли
На прогулочку,
Ох, неужто
В метельных снах
Обещала
Тебя Снегурочка
Целовать
Поутру в снегах?
Я и слушаю
И не слушаю,
Не сойти бы
Совсем с ума.

Сны сбываются
Самолучшие —
На губах у меня
Зима.
Искры вспыхнули
Снежно-белые
И растаяли вдалеке,
Обожги скорей,
Моя смелая,
Поцелуй оставь
На щеке.

Вальс снежинок

А. Малиновской

С первой метелью уснул старый сад.
Замерли птицы.
Это величество Снегопад
Вышел резвиться.
Ветви притихшие в снах берегут
Осени пламя,
Зимушку-зиму с морозами ждут
И с чудесами.

Звёзды-снежинки на землю летят,
Падают с неба.
Ваше величество Снегопад,
Вы — сказка-небыль!
Сколько на белых просторах земли
Чистого света!
Разве об этом мечтать мы могли
Солнечным летом?

Радость и грусть, как всегда, говорят,
Рядышком вместе.
Ваше величество Снегопад,
Вам наша песня.
Кружат снежинки, узором хвалясь,
Будто принцессы.
Кружатся в вальсе друг с другом, смеясь.
Вот и чудесно!

Новогодняя сказка

В мир вернулась сказка.
Сказка ожила.
Ей людская ласка
Надобна была.

В пелене метели
Пряталась она.
Ветры песни пели,
А она — грустна.

Звёздочки поплыли
С белых облаков.
Ждали ласки крылья
Снежных мотыльков.

В мире белоснежном,
Где метёт пурга,
Дорога всем нежность,
Ласка дорога.

Встретьте сказку лаской.
Ласка всем к лицу.
Проводите сказку
К доброму концу.

Весенний хоровод

Для нас, наверное, для нас
На вёсны стрелки переводят.
Романс Чайковского и вальс
Звучат в очнувшейся природе.

В рассветный час зари смычок
На скрипке нежно заиграет,
И наш певец — скворец-сверчок
К нему рулады подбирает.

Восходит солнце наконец
И гонит прочь из сердца скуку.
Завидев солнечный венец,
Душа внимает вешним звукам.

В весенний яркий хоровод,
Срывая зимние рубища,
Со всех сторон спешит народ,
И прежде тот, кто духом нищий.

На закате

Когда на мир жар-птицей
Опустится закат,
Божественной десницы
Нам тайн не угадать.

То ярче неба просинь,
То бронзовой стволы
У задремавших сосен
Средь предвечерней мглы.

То золотом оплавит
Гряды летучей стан,
То вздохом закуривит
В лугах густой туман.

То разнесёт по речке
Утиной стаи крик,
То разовьёт колечком
Гирлянды повилик.

Взойдёт по косогору
И в горенках для нас
Все тени изузорит
В какой-то дивный сказ.

И, в наши сны вплетаясь,
Как васильки во ржи,
Он сам умчится к раю
Предутренней межи.

Пора зрелости

О годы! Что со мною сделали!
На шевелюре седина.
Пора настала, значит, зрелая,
И чаша жизни всё полна.

Конечно, зрелость, если Пушкин
В затылок дышит мне опять.
И тридцать восемь лет — не чушь ведь —
Живи, твори, люби, страдай!

Читаю Лермонтова строки,
Они несут благую весть:
Вот это зрелость! В эти сроки
И мне всего-то двадцать шесть!

Пленяюсь обликом Наташи,
Кладу к ногам её букет:
Какое счастье зрелость наша,
Когда во мне шестнадцать лет!

Любимая, угадывать
Не стоит никогда,
Зачем, как листья, падают
Нескучные года.

Пусть кто-то изумляется,
Оставшись не у дел,
Открыв, что жизни радостной,
Конечно, есть предел.

С бородками овчинными,
Но статью хороши,
Идут, нарочно чинные,
Седые мальчиши.

И племя женщин лучшее,
Ослепит, и не раз,
Нисколько не потухшее
Сияние их глаз.

Из-под седого месяца,
Из-за бывшего штор
Глаза двадцатилетние
Вдруг выстрелят в упор.

И ласка душу осветлит,
И нежность выгнет бровь —
Бессмертная воистину
Земная страсть — любовь.

До чуда неволшебного
Всяк тянется душой,
И гимны лишь хвалебные
Зальют весь мир большой.

Любимая, угадывать
Не стоит никогда,
Зачем, как листья, падают
Нескучные года.

* * *

Судить любовь свою не слишком
Торопитесь,
В её счастливые мгновения
Всмотритесь,
Где страсти жаркие в обоих
Бушевали,
Лицо любимое вы нежно
Целовали.

Свиданий книгу перелистывай
Страницу.
Они, наверное, вам долго
Будут сниться.
Касанье рук и даже сдержанные
Взгляды
Воспринимайте как великую
Награду.

Ведут неведомые в будущность
Дороги.
Не смейте думать о любовном
Эпизоде.
Ничто не может, нет, не может
Повториться.
Я вас прошу судить любовь
Не торопиться.

Друзьям

Т. и Р. Касимовым

Друзей хороших, правда, мало,
И не напрасно говорят:
Без них душа б не ликовала,
Без них и кости не хрустят,

Без них вершины гор незримы,
Без них оглохнет тишина,
Без них и песни нет любимой,
Без них хмельного нет вина.

С друзьями дел своротишь гору,
Пешком подынешься к Луне,
С друзьями можно круто спорить,
Зато счастливей жить вдвойне.

Как солнцем, дружбой опалимы,
Идём по жизни целине,
И все пути исповедимы,
И в здравом состоим уме.

Шекспир

Поздно. За полночь. И Шекспира
На подушке раскрытый том.
Страсти вечные грешного мира
Полыхают священным огнём.

Непогода за окнами стонет,
Очумела от ветряных шпор.
Тихо, тихо у двери балкона
Трепетанье тяжёлых штор.

Как натянуты бури постромки!
Стрелы молний пронзают мглу.
Я кладу книжный том в сторонку,
Прижимаюсь лицом к стеклу.

Там, где молнии пируэты,
Верь — не верь, а когда сверкнёт,
Вижу — движутся силуэты
Чередую. Шекспир не врёт!

Берег Надежды

Надеюсь, верю, жду, а как ещё иначе?
Ведь душу отпустить нельзя на выходной.
Встающий новый день мне вектор обозначит,
И ветер паруса наполнит надо мной.

Не просто невзначай и вовсе не однажды
На россыпи огней далёких погляжу.
Почувствую тепло от встречи с другом каждым,
По памяти своей немножко поброжу.

Как славно можно жить, надеяться и верить —
Удача ждёт меня, а может, и любовь.
Я собственной рукой открою в счастье двери,
Возьму с собой друзей, а может, и врагов.

Запомнят небеса, как крепко мы сдружились
И к Берегу Надежд построили мосты.
А если, если вдруг кого-то полюбили,
Скажи мне, кто твой друг, а я скажу, кто ты.

Город за окном

За окном мой древний город.
Речка стелется ужом.
Храмы с каменным узором.
Говорок с округлым «о».

Кремль с высокой колокольней.
Купол золотом облит.
Будят сонный город звоны.
Люд к заутрене спешит.

Думы сами ладом лезут.
На душе покой. Ну что ж?
Хорошо, когда, чем гредишь,
Наяву всегда найдёшь.

Свет созвездий

И рожь колосится и жито,
И купол небес бесконечен,
И жизнь-то ещё не прожита,
И ждут меня новые встречи,

И что-то такое случится.
Недаром созвездия свет
На наших летах пограничных
Оставил разборчивый след,

Недаром небесный костёр,
Оплавив смятенные души,
Широкие крылья простёр
Над нашим безвестным грядущим.

Так, стало быть, жизнь не прожита,
Раз купол небес бесконечен,
И рожь колосится и жито,
И ждут меня новые встречи!

О люди!

Ничья душа покой не сыщет.
И захотела б — не смогла.
Ведь жизнь, как полюшко с пшеницей,
И в будни празднично светла.

Бездушье, может быть, соринкой
Да чья-то зависть колет глаз.
На то и жизнь! Чуток горчинки
В ней кто-то держит про запас.

О люди! Грешные созданья!
Вам жизнь для добрых дел дана,
Пусть будет лёгким покаянье,
Когда войдёт к вам тишина.

* * *

В день остуженный короткий
У зимовья на краю,
Если даже выпью водки,
Разум вовсе не пропью.

Я достану из-под спуда,
Из подполья прошлых дней
Слово вещёе как чудо —
Всё из песенных огней.

Песни вспыхнут жарко, жарко,
Горячи и веселы,
Удивительным подарком
Посреди морозной мглы.

И такая радость хлынет,
И веселье так пойдёт,
Даже звёзды в бездне синей
Остановят свой полёт.

Годы-птицы

Растают годы в дальней дали,
Как клин высоких журавлей,
Не проводить их без печали,
Когда становимся взрослей.

Я к стае птиц пристать пытался,
Взлетать с надеждой успевал,
Когда в снегах переливался
Годов минувших перевал.

Летят! Летят и тают, тают
Вдали ушедшего пласты,
А в новолетьи вырастая,
Звонят под ливнями цветы.

И новый день под синью ясной
Восходит в отблесках зари.
Я — в стае птиц! И жизнь прекрасна,
Кто б как о ней ни говорил!

* * *

И люди другие и улицы,
Живу в перекрестии вех.
А память всё хочет откинуться,
Ну, скажем, в серебряный век.

С зелёною веткой берёзовой
На Троицу в храме стоять,
С княгинюшкой, нежной и розовой,
Душистый чаёк попивать.

Видения снова и снова
За мною ступают как тень.
А кто вместо Карла Брюллова
Напишет последний мой день?

Душа тревожится

В раздумьи я стою один.
Рассвет струится розоватый.
Черёмух кисти и рябин
Как будто пламенем объяты.

Воспоминаньями живём,
Костёр внутри горяч и зноен,
И, как тумана над жнивьём,
Всё ждём затишья над душой.

Светлеет неба синева.
Душа тревожная боится —
Не потускнели бы слова,
Где искра пламени таится.

* * *

Я такой, как зори поутру,
Я купаюсь в светлой синеве.
Росы мои долго не умрут,
Засверкают в песенной траве.

Сам себя на родине нашёл.
Липы там июльские в цвету.
Допишу прощальный мой глагол,
А потом на землю упаду.

Стих мой не рассеется, как дым.
Постигая вечный божий свет,
Пригодится, может, молодым
Смысл моих исканий и побед.

Ставить им на родине кремли,
Подымая из былины новь,
И святая сила той земли
Пусть питает грешную их кровь.

Мир
венчаю лирой



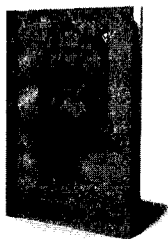
Как состоявшийся поэт, Валерий Судаков заявил о себе выходом в свет семи поэтических сборников, «раскатившихся вещим словом» по Вологодской земле.

Когда-то А. С. Пушкин заметил, что «от ямщика до первого поэта мы все поём уныло». Поэзии В. Судакова уныние чуждо. Человек, немало переживший в прошлом и за многое переживающий в настоящем, он неистребимо верит в будущее. Эту веру, как он сам признался в стихотворении «Русский слог», «питают реки — Суда да Молога и святой как ветер, и живой водой!» «Живая вода» из поэтического источника самого Валерия Судакова питает наши души, «спасая их любовью» к жизни, щедро подаренной нам природой.

Вспоминаю, как, мчась «кружевной метелью», мы колесили с Валерием Васильевичем по Вологодчине с уроками и мастер-классами, круглыми столами и поэтическими вечерами. Нас встречали Череповец и Великий Устюг, Кадуи и Устюжна, Кириллов и Белозерск, Грязовец и Харовск, Тотма и Никольск, Нюксеница и Красавино, Сараево и Кичменгский Городок.. И не только хлебом-солью одаривали нас гостеприимные земляки Валерия Судакова, но и задушевными песнями на его стихи. И песням этим было уютно и раздольно под бескрайним небом Яшина и Рубцова, Орлова и Викулова, Романова и Коротаева — тех, кто венчал наш мир вдохновенной лирой своей поэзии. И вместе с творцом этих мелодий хотелось верить, что

*«Под звуками волшебной сенью
И дочь Отечества и сын
Увидят путь к Преображенью».*

Не на этом ли «пути к Преображенью» трудится Валерий Васильевич Судаков, поставивший и в педагогике и в поэзии свой «авторский знак, впитавший дух тысячелетья».



Олег Парамонов, победитель конкурса
«Учитель года России-1993», г. Брянск

* * *

Прислушайся к симфонии весны!
И день встречай,
Когда он рассветает,
И облака
Зарёю, как цветами,
В лазурь небес ещё погружены.

Прислушайся!
Весну открыли скрипки,
И в светлых и пронзительных тонах
Природа одаряет нас улыбкой,
И новый день
Рождается в цветах.

На скрипачей-искусников
Взгляни-ка!
Они смычками поднимают свод.
Мелодии, как солнечные нити,
Сплетаются в волшебный хоровод.

Весна идёт!
Зари взошедшей флейты
В бездонную несутся синеву.
Ты над моей фантазией не смейся!
Я весь мажор с небес к тебе сорву!

Как здорово всё-таки жить!

Как здорово всё-таки жить!
То ль мчать кружевною метелью,
Проснуться ль с весеннею трелью
И прошлым уметь дорожить.

В небесное глянуть окно,
Войти в заповедную осень
И в шёпоте бронзовых сосен
Услышать, что вновь суждено.

К реке, может быть, завернуть,
Где гладь серебром отливает,
Рыбачья артель отдыхает;
И там, может, мыслью сверкнуть.

Ещё снег сомлевший лежит,
А с выси нам клином протяжным
Все стаи о самом о важном
Известье спешат доложить.

Как всё-таки хочется жить!
Встречать ли черёмух метели,
Стоять под заснеженной елью,
Любить заповедную осень
И неба весеннюю просинь, —
И всем без конца дорожить!

Добрый след

Доктору Николаю Соколову

День, как праздник, начинается,
Сердце трепетно замрет:
С детства ангел, точно знаю я,
Меня под руку ведёт.

Он с утра со мной до вечера
Столько зим и столько лет,
Чтобы добрый человеческий
Я оставил в жизни след.

Оттого, наверно, хочется
Мне подняться до небес
И оттуда взглядом кочета
Мир окинуть разом весь.

Все любезное Отечество
От поселков до столиц,
Всех, судьбой единой меченных,
Всех несхожих, разных лиц.

Я над Русью многотысячной,
На острастку всем врагам,
Службу нес бы их величествам —
Детворе да старикам.

Может, ангел, сам не видывал,
Меня под руку ведет:
Никому не дам обидеть я
Православный мой народ.

Древнерусские были

Видел я наяву,
Как кружились деревья,
Как волнистый туман
Выстилал берега,
Как стеснялся петух
Потревожить деревню,
Как катила на юг
Свои воды река.

В клеверах на лугу
Пасся мерин соловый,
В темно-серых чулках
И по кличке «Браслет».
И копыта его,
Без единой подковы,
Оставляли в траве
Неразборчивый след.

А в заречной дали,
Где дремали дубравы,
Над грядой облаков
Заалел небосвод.
И, как будто урок
Исполняя исправно,
Закипел, заиграл
Венценосный восход.

Чуть вздохнул ветерок,
И качнулись, поплыли
Серебристым ручьем
В небесах облака.
Подымались из мглы
Древнерусские были
Деревеньки моей,
Поседевшей в веках.

Родное

Я помню твой неприхотливый,
Но яркий образ. Вот река.
От ветра будто бы пугливы,
В ней потонули облака.

В зарежье — ширь зеленых долов.
Над ним — полуденный зенит,
А в нем стократно птичье соло
С восхода раннего звенит.

Созвездья чистых лилий белых
В стекле торжественной воды.
Их, видно, мастер добрый сделал
Подобьем утренней звезды.

Стихии водной с небом сходство
Не смыть никак речной волной,
Как не стереть и первородства
Моей деревни предо мной.

До позднего земного часа, —
Простая эта благодать —
Обитель чувств и мыслей ясных, —
И это незачем скрывать.

Сказки Севера

Дуняше

Промчатся над спящим селеньем
В ночи августовской в момент
Стада серебристых оленей —
Герои полярных легенд.

И осень и зиму — до марта,
До светом налитых дней
Резвятся олени азартно
Дождем разноцветных огней.

А после сугробов лохматых
Заря заиграет алей,
И мир с вешней стаей пернатых
Накидку набросит светлей.

Взовьются зеленые стяги,
Как знак пробужденья земли,
И голос ручьиным оврагам
С небес подадут журавли.

Обрушится гром с небосклона,
Рассыплется эхом в лугах.
А где же хрустальные звоны,
Олень в серебристых рогах?

Ужель замела наши сказки
Черёмухи белой метель —
Небесных оленей упряжку
По тундре гоняет апрель?

Несется она бездорожьем
На свет одинокой звезды.
Понуро опущены вожжи.
Во мхах затерялись следы.

Вернитесь скорей из Вселенной
Огнём разноцветных камней,
Стада серебристых оленей,
Упряжки крылатых коней.

Промчитесь над спящим селеньем
В ночи августовской в момент,
Зажгите нам звёзды, олени —
Герои полярных легенд.

Земля обетованная

А ты все полон ожиданьем чуда,
Богов своих отринувший народ.
Томись желаньем, только ниоткуда
Из весей дальних чудо не придет.

Не стоит царства за семью морями
Особым смыслом жизни наделять,
Когда вот тут, под нашими ногами
И есть обетованная земля.

Рубили баню

Годы дальние как были,
Жизнь быстротечна, коротка.
Я помню, баню как рубили
Два деревенских мужика.

Венец к венцу крепили плотно
На мох болотный верховой.
В охотку, видно, сруб добротный
Люд возводил мастеровой.

Щепа смолистая слепила,
Пьянил лесной кремневый дух.
А баньку, словно песнь, сложили.
И каждый плотничал за двух.

Сруб за неделю так и вырос,
Сиял сосновой желтизной.
Постарше плотник ладил вырез
Под стать стропилине резной.

Потом они полы стелили
Из полубрёвен. Для полка
Осин ядрёных напилили —
Вот то-то радость старикам!

Звенели, весело стучали
Орудья в плотничьих руках.
Но даже в песне величальной
Концовка есть, последний взмах.

Сощутив глаз, ценили дело,
Не выпуская топоров.
Ни дверь, ни пол не заскрипели —
Богата Русь на мастеров!

...И я закончу: жили-были
Два деревенских мужика —
Отец да дядя мой. Срубили
Они ту баньку на века.

Изба

Пуста изба уже который год,
В ней только одиночество живёт,
За изгородью грустная скамья,
Разъехалась крестьянская семья.

Покорлива остуженной судьбе, —
Нет места в городах простой избе, —
Верна лугам да нивам, где порой
Дышало небо огненной искрой.

Ветрам лесным да пажитям верна,
Берёзе, шелестящей у окна.
И часто ей в видениях ночных
Всё грезилось тепло в углах печных.

К избе родимой бывшие жильцы —
Гнездовья поседевшие птенцы
Весною, как обычно, прилетят
И встретят на себе тревожный взгляд.

И вздрогнут. Будет он неумолим:
Изба, как человек, тянулась к ним,
С надеждою, с обветренным лицом,
С берёзой, старым садом и крыльцом.

Радуга памяти

Дочерям

И век другой, и в жилах кровь другая.
Но сладок дым отеческих костров.
И на Покров мы ставни отворяем
И в дом несем охапки звонких дров.
Прогоним прочь дорожные сомненья,
Затопим печь, и, сумерки тесня,
Жар опалит трескучие поленья.
Мы помолчим у древнего огня.
Под пенье труб сольются души наши.
За дверью ветер бродит у крыльца.
Огонь весёлый вызолотит сажу.
Покой сойдёт в притихшие сердца.
В печи отцовской, помню, тлели угли,
Томился зной ребром колосника,
Пчелиный рой шумел в огнистом улье,
Чай закипал на кромке уголка.
Из дальних далей радугой восхода
Встаёт опять старинное село.
Река привычно катит свои воды,
И режет гладь широкое весло.
Кипят ключи и студят руки, губы.
Над иволгой смеётся соловей..
Какие песни распевали трубы
В туманной дымке юности моей.

Вечерний звон

Уснула родина. Но чуток
Над ней безбрежный небосклон.
К исходу долгих летних суток
Угас свечой вечерний звон.

И изб резное украшеньё,
И звезда мерцанье в вышине,
Реки негромкое теченье —
Живут по-прежнему во мне.

И всё зовёт к себе высокий,
В сияньи звёздном, небосклон,
А где-то в памяти глубокой
Горит свечой вечерний звон.

Ау, народ!

О, деревенский сельский вид!
Дубравы в зелени цветистой.
И стар и млад на «о» речисты,
И каждый верой дорожит.

Тревожно мне за этот мир.
Смотрю, рябины лишь остались
В местах, где сёла красовались.
Ордынец, что ли, правил пир?

Легла над Русью тучи тень.
И грудь мою теснит тревога:
Средь нив скучающих дорога
Пустынна в сенокосный день.

Безлюдных сёл удел сиротский...
Как встарь, над заводью реки
Плывут туманные дымки...
Ау, народ мой вологодский!

И прежде грохотали грозы...
Неужто, к радости грачей,
К амбарам не найдем ключей,
Не пустим хлебные обозы?!

Гори, лето

Перелесок минул и — ни с места.
Жаворонки искрами звенят.
В платье из берёзок, как невеста,
Деревенька в знойном свете дня.

Захотелось сразу птахой вольной
Мчать с самим собой наперебой
Над зеленым изумрудным полем
И над речкой тихой голубой.

Солнышко лучится златооко.
На душе крылато и легко.
Всё былое будто недалеко,
А до края жизни далеко.

В зареве берёзового света
Деревенька встала на пути.
Ты гори, гори, Господне лето,
Полюшко мне надо перейти.

Не канут в Лету

Не канут в Лету грозны дни,
Когда, по сути, мы одни
Со зверем злобным воевали.
Зато бесчестия не знали.
И в этой памятной скрижали,
Достойны славы и печали,
Стоят героев имена.
Теперь другие времена...
И нам хранить в конце концов
Наследье дедов и отцов.

Ты помнишь, брат?

Ты помнишь, брат,
Как сенокосили?
Плыла июльская жара,
А мы с тобой
Рубахи сбросили
И в речку кинулись —
Пора!
О тех летах
Тоскую в городе.
Признаться в том
Не стыдно мне.
Над нами стаями
Кружили оводы,
А мы топили их
В речной волне.
В полуднем мареве
Звенели листики,
Томилось знойное
В стогу сенцо.
Мы лада сельского
С тех пор защитники,
Кровь деревенская
У нас течёт.
О прежних годиках
Рубцы-отметины,
А зори росные
Встают во снах,
Где ивы старые
Склонились ветками
К коням серебряным —
Речным волнам.

Ровесницы

Масштабом тебе не сравниться
С ровесницей древней своей,
Где свет над землёю струится
Мильоном холодных огней.

Там дух с человеческой плотью
Сродниться не может никак,
Там с роскошью рядом лохмотья
Совсем неприютных зевак.

Там тоже соборы с крестами,
Но небо над ними тусклей,
И звёздный не спустится пламень
До улиц, домов и аллей.

Зато тебя зависть не гложет,
Хвалу ты возносишь тому,
Тебе не позволил кто тоже
Вот так погружаться во тьму.

Для градов, людей и растений
У Бога — уделы свои:
Отринув зловещие тени,
Собор твой Софийский стоит.

...Никак вам нельзя разминуться,
Ровесницы вы навсегда.
А звёзды? — Они разберутся,
Каким им светить городам.

* * *

Ты знаешь, не было сомненья,
Чтоб целым миром пренебречь
И, вопреки досужим мненьям,
К твоим ногам покорно лечь.

Судили глупо и жестоко,
Давясь от злобных гневных слов
Перебродившую все сроки
Непостижимую любовь.

А мы, очищенные болью,
Открыли мир, как в первый раз,
И вознеслись к небес раздолью
И к солнцу, греющему нас.

Вот он, наш мир благоуханный:
Восходят радуги из бурь!
И исцеляет наши раны
Бальзам несущая лазурь.

* * *

Зажгу свечу за здравие любви!
Я дал обет и слова не нарушу!
Но мне нужней объятия твои
Воспоминаний тлеющих в минувшем.

Зажгу свечу за упокой разлук,
За частые свидания в грядущем!
Пусть грусть моя, как заржавелый плуг,
Не бороздит тоскующую душу.

Зажгу свечу за здравие любви!
За образ твой свечу поставлю в храме!
А ты сама в молитве назови
Всё дорогое, светлое меж нами!

Зимняя песня

Вот он вьётся ближе, ниже,
Пряча пыль и грязь дорог.
Не пора ль готовить лыжи? —
Снеговоя шлёт нам Бог.

Впереди оркестр буранов
Да метелей тенора.
По душе нам, как ни странно,
Лебединая пора.

Нам по нраву бег метельный,
Да погуще, чтобы враз
В лебединой карусели
От дурных укрыться глаз.

Снеговые птички стаи
Белым облаком летят.
Старожилы отмечают:
Добрый нынче снегопад.

Я иду порошей снежной
По метельной по волне.
От метельной песни нежность
Разливается во мне.

У истоков

Звёзды бросили тени
На вечерних полях.
От дыханья растений
Летний воздух пропах.

Скачут в бездне олени
Вдоль по звездной гряде.
Отраженье вселенной
На безмолвной воде.

Преодо мной поколений
Жизнь текла, глубока.
Преклоню я колени,
Припаду к родникам.

От истоков отчизны
К небесам обернусь:
Край мой, сколько ты вызнал,
Сколько вынесла Русь!

Время мчится быстрее.
Но хрустальна вода,
Если я постарею,
Русь моя — никогда!

Будет кто-то оленей
Запрягать на лугах
И дыханье вселенной
Ощущать на губах.

Осенние думы

Похожи осенние думы
На эту туманную даль,
Откуда дождь с ветром угрюмым
Несут издалёка печаль.

Вчера мир был солнцем отмечен,
Струился закат горячо,
Теперь день погожий далече,
Истаяло лето свечой.

Всему, видно, жребий отмерен,
Всего уходящего жаль,
И светлого лета потери
Роняют мне в душу печаль.

Не слышно певуний крылатых,
Промокшие гроздья красны..
Калиновый облик утраты,
Рябиновый отблеск вины.

Учитель мой

Педагогам Вологодчины

Учитель мой, когда вокруг темно
И лишь твоё одно окошко светит,
Воспой любовь Ромео и Джульетты,
Урок твори как старое вино.

Учитель мой, ты тайну тайн открой,
Зачем цветут ольховые серёжки
И почему на жизненной дорожке
С печалью радость сходится порой.

Уверен я, не рухнет мир вовек, —
Пройдут года, а может, сотни лет,
Покуда есть несущий знания свет,
Учитель мой, мой щедрый человек.

Учитель мой, дай мудрый мне совет,
Сложи урок искусно, как поэму,
И дай мне ключ к бездонной жизни теме,
Чтоб я сумел оставить добрый след.

Ученье — свет, — так сказано давно.
Взойди, рассвет, над новою Россией,
В морозной мгле и сквозь дожди косые
Гори в ночи учителя окно.

Благодарю

Вы зажигаете зарю
Простым и мудрым: — В добрый час!
За теплый свет от Ваших глаз,
За все, за все благодарю!
За самый верный Ваш совет,
За то, что я добро творю,
За то, что верю я в рассвет,
Благодарю, благодарю.

За то, что хочется свершить,
Сверяя курс по сентябрю,
За то, как Вы учили жить,
Сердечно Вас благодарю!
За Вашу руку и плечо
Я, в жизнь влюблённый горячо,
В ту юность дверь не затворю,
Благодарю, благодарю.

От искры Вашего огня,
Как Данко, я теперь горю.
За то, что Вы зажгли меня,
Учитель, Вас благодарю!
За дар божественный — светить —
И в грусти и в веселья час
Я буду помнить, буду Вас
Благодарить, благодарить.

Полюшком пойду

Полюшком пойду, а травы стелются
Стёжками кудрявыми стихов,
Песенной мелодии метелица
Наполняет душу до краёв.

К облакам, грядой плывущим снежною,
Птицы озорные не домчат,
Сердце истомилось болью нежною,
Скрипки в нём певучие звучат.

Васильков в хлебах взошло — не меряно,
Дай-ка полюбуюсь, постою,
Слава Богу, ведь не всё потеряно,
Песню не последнюю спою.

С думою, как небушко, глубокою
Хорошо мне травами брести,
Помоги мне, полюшко широкое,
До любимой песню донести.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Русь
несу в себе



Русским человеком в высшем значении этого слова остаётся для нас, учителей, В. В. Судаков, председатель комиссии по образованию, науке и культуре Общественной палаты Вологодской области, Почётный гражданин города Вологды.

Историческое значение человека измеряется его заслугами перед Родиной, а человеческое достоинство — силою его патриотизма. Эту светлую любовь к своей родной Вологодчине сохраняет, утверждает Валерий Васильевич, передавая её всем, ибо «всему начало жизни — борозда», тогда «не угаснет память сердца». Многие разделяют его проникновенные строки: «Я из крестьянского сословья, и мне завещано судьбой беречь народные присловья, кресты да купол голубой».

На уроках литературы в 15 средней школе города Красавино часто звучат стихотворные строки из поэтических книг В. В. Судакова. Сколько поколений учащихся выросло, ушли во взрослую жизнь, воспитанные на 34-томной «Книге Памяти Вологодской области», главным редактором которой является Валерий Васильевич.

*Дина Ивановна Рапакова, заслуженный учитель школы
России, заведующий музеем им. С. Преминина,
почётный гражданин Великоустюгского района*



Русь несущая в себе

Укрылись в сумерках деревья,
Попав в зари вечерней сеть.
Затихла древняя деревня,
Частушек некому пропеть.

Венец луны застыл в берёзе.
Уснули звёзды в небесах.
Я — весь в поэзии, не в прозе,
В её глубоких омутах.

Проснусь с рассветным солнца диском,
Проверю свой ночной улов,
И эсэмэски-письма близким
Черкну: Привет! Я жив, здоров!

Я не завидую, кто синей
Плывёт лазурью встреч судьбе.
Я страх полей моей России,
Я Русь несущая в самом себе.

Я дух её впитал послушно,
Я храм в душе обосновал.
И мысль: «Спасите наши души!»
Моя не примет голова.

И по земле по этой древней
Иду, уверенный притом:
Встань! Явись, моя деревня,
Времени связующим мостом!

Сокровенное

Василию Ивановичу Мальцеву

Я не рассчитывал на славу,
Не проклинал свою судьбу,
Я серп с звездой пятиглавой
Тащил полжизни на горбу.

Была ухабиста дорога,
Но я не сдался, я не сник.
Я ранее, чем веру в Бога,
Познал святую мудрость книг.

И всё хорошее давалось —
Признаться если — пополам:
Одно — от предков мне досталось,
Другое — честно добыл сам.

Страна русичей

Есть Родина великая. А ныне
В ней кой-кому Отечество — чужбина.
По-русски, слышь, с акцентом говорят.
А кто-то, чавкая у нового корыта,
Всё тцунится евродверь держать открытой,
Где аглицкие вывески горят.

Липуча, знать, заморская-то мода.
А все ж крепка и русская порода!
Подлей бывали, помним, времена:
Дух воскресал, взвивались стяги,
Скрипел обоз из греков до варягов.
То Русь вела тевтонов племена.

Животворяща русичей страна!

Так охота

Как охота пробудиться,
Отряхнуть остатки сна
И скорее очутиться
У раскрытого окна.

Полю с рожью поклониться,
Золотым зари лучам
И воды живой напиться
Из хрустального ключа.

Так охота пробудиться
В отчем доме, где со стен
Смотрят, как живые, лица
Многочисленных колен.

Так охота прислониться
К каждой родственной душе,
Чтобы всласть наговориться
С кем не встретиться уже.

На траве роса дымится.
Голубеет небосклон.
Так охота очутиться
Там, где в детстве видел сон.

Слава русская

О Боже! О, Боженька правый!
Помилуй, яви благодать!
Великую нашу державу
Не время ещё отпевать!

Украйна, смотри, отломилась,
Кавказ паутину плетёт,
А русью-то США подавились —
Ершист православный народ.

А Русь, как и прежде, упряма.
По совести, скажем, не в страх
Эсминцы возводят да храмы
На суше, на синих морях.

Грех русским не встать за державу —
Блоху не одну подкуют!
И — глянь-ка! — вон, русскую славу
Опять из роддома везут.

Непокорная Русь

Мы, точно, из Евразии,
Где Русь берёт разбег.
Былинною фантазией
Жив русский человек.

И в годы безысходные
Крепки на ремесло.
И власть костим негодную
По первое число.

Она вовсю старается
В раззор ввести страну.
А Русь не прогибается,
Не верит в сатану.

А Русь-то непокорлива.
Напрасно холуи
К Америке угодливо
Гнут головы свои.

Русь дюже терпелива,
Но только до поры.
Потом нальётся силою,
Наточит топоры.

Былинные фантазии? —
А ты отцов спроси. —
Со всяким безобразием
Справлялись на Руси.

Мой род

Мой дед от века холил землю,
Чтоб хлеб родился, не бурьян.
И я свой счёт веду доселе
Из рода славного крестьян.

Рода есть с меткою дворянства.
Так вот позвольте, господа,
Сказать без лести и без хамства:
Мой род от века был всегда.

Он был и будет род мой, крышей
Для тех, кто сроду не пахал.
И, значит, род мой древний выше...
Понятно вам растолковал?

Борозда жизни

Какие бы ни стукнули года,
В урочный час под светлым вешним небом
Взойдёт посев и обернётся хлебом.
Всему начало жизни — борозда.

Понятно и для робкого юнца:
Коль есть росток, свершится и движенье
И — как итог — самим на удивленье —
Сияние лаврового венца.

И в самый новый двадцать первый век
Земли познанем утоляем жажду,
Чтоб вновь её украсить не однажды, —
Ведь для того рождался человек.

Тучнее сёл — гнездовья-города,
Лад городской для многих стал причалом.
Но тем дороже славное начало —
Родник живой и жизни борозда.

Каким бы ни был сладким твой пирог,
В полночный час свои смыкая очи,
Не забывай о главном, между прочим —
Исполни свой простой земной урок.

Всем поколениям дальняя звезда
Знай сыплет искры — подставляй ладони.
Хоть век иной — в цене всё те же кони.
Не зарастает жизни борозда.

Память

Нелегко расстаться с прошлым.
Гляну в памяти окно —
Добрым светом всё, что прожил,
То окно освещёно.

Золотая гаснет осень.
Скромен красок колорит.
А прощенья не попросишь
У того, кто вечно спит.

К пику памяти, к вершинам
Подыматься мне дано,
К родниковым светлым жилам,
Напоившим жизни дно.

К издалёка вслед смотрящим
Всем, идущим по земле,
К ликам их животворящим,
Изливавшим свет во мгле.

Октябри заморосили.
Блекнет осени букет.
...А у памяти всесильной
Никогда износу нет.

Храм на холме

Вот храм стоит над берегом на холме.
А в колокольне — лестница витая.
За веком век, раставявши во тьме,
Прошли по ней, ступеней не считая.

Вознёсся храм. Глава в золотом огне.
И слышится в многовековом звоне:
«Взойди, душа! И прислонись ко мне.
Испей любви, настоящей на крови».

Иного нет для русского пути,
Чем по спирали минувшего века.
И ты, мой храм, всей звонницей гуди,
Буди в нас, грешных, образ человека.

Вознёсся храм. Красой неповторим.
В резной оправе лики на иконах.
И мы себя крестами осеним,
Когда заслышим вековые звоны.

За веком век. За осенью зима.
Поток людской в мой храм не убывает.
Далёко-далеко вокруг храмова холма —
Россия, Русь. По-прежнему Святая.

Зори вологодские

Здравствуй, вечно юный город
С колокольнею в Кремле,
Златовершие которой
Утонуло в синей мгле!

Ты рождён в былинной были
С тыщу лет тому назад,
Но века не запылили
Русской выделки фасад.

Я пройдусь прибрежным сквером,
Погрущу на той скамье,
Где поэт Рубцов с доверьем
Пел друзьям, а значит, мне.

Я приветно слово «Здравствуй!»
Бронзоликому скажу,
Незабудки, а не астры
У подножья положу.

Молвит он: «Какая прелесть!
Не забыт поэтов труд!»
И глаза, улыбкой греясь,
На минуту оживут.

И, обрадованы встречей,
Друг на друга поглядим,
О земном да и о вечном
Долго с ним проговорим.

Оборвутся разговоры
Под вечерний звон в Кремле.
А заря укроет город
В золотисто-синей мгле.

Дедово наследство

Сходились, шумели, мечтали:
«Россию умом не понять...»,
Себя беспощадно хлестали,
Умеем себя отхлестать.

Нам грезилась только победа.
Тропу к ней торил ещё дед,
Да, кажется, сбился со следа,
Поскольку победы той нет.

А опыт накоплен бесценный.
Распухла от дум голова.
На спор с мировой ареной
Осмелилась выйти Москва.

Москва-то не вся ведь Россия,
Понятно, столица страны.
Недуги России осилить,
Наверное, все мы должны.

Помочь, что ли, общей победе?
Была не была, а возьмусь
За дело — наследие деда.
...И пусть возрождается Русь!

Запрягай!

Зачем, себя нещадно мучая
И погружаясь даже в сны,
Мечтаем мы о лучшей участи
Перелицованной страны?

Зачем, скажи-ка, снова ищем
Мы свой потерянный покой?
Нам не дано, подобно нищим,
Стоять с протянутой рукой.

Да, мы извели холопство.
Но мы с презрением глядим
На всю ливрейную Европу.
На том стояли и стоим.

Как крест, несём свой труд натужный
В широтах северных полей.
Погодки нашей русской вьюжной
Француз не выдержит, ей-ей!

И проторённую дорогой
С привычным нашим «Запрягай»,
Не поминая всуе Бога,
Земной по-русски строим рай.

Мы за самих себя в ответе,
За наши нивы и леса.
И в новом веке свежий ветер
Наполнит наши паруса.

Узнику Колымы

Он как-то простуженно кашлял,
К бруснике склоняясь с ведром.
И встреча случайная наша
Мне грезилась долго потом.

В глазах его, очень усталых,
Плескалась щемящая грусть.
Он путь свой колымский немалый
Запомнил почти наизусть.

Пришла в городскую квартиру
Мне весть, как отравы, горька,
Что в этом неласковом мире
Не стало того старика.

В то утро с какой-то печалью
Валился на улицы снег,
Как будто он знал изначально:
«Ушёл золотой человек!»

Летний зной

Ласточки ниже и ниже
Вьются, взметая пыль.
Вечер горячий колышет
Неба бескрайнего синь.

Пыль поднялась над дорогой.
Зноен зелёный лесок.
Стихли речные пороги.
Жаром исходит песок.

Вид среднерусской равнины
Просится прямо на холст.
Милые с детства картины —
Речка, деревня, погост.

Дышится сладко и вольно.
Взор затуманит слеза:
Марево знойного поля
Режет до боли в глазах.

В речку с разбегу в рубахе
С криком: «Душа, поостынь!»
Брошусь с восторгом и ахну:
«Боже, какая теплынь!»

Зарево детства

Здравствуй, светлый мой лесок —
Солнца лакомый кусок!
Слышу шорох осторожный
И певуньи голосок.

Твоих сосен стройный вид
Мою душу полонит.
Шум ветвей в шатровой выси
Много дум в себе хранит.

Шапку снявши, постую,
Вспомню бабушку свою,
Как она меня водила,
Как у сказки на краю.

Сколько было по утрам
Троп пробито мною там
По полянам по таёжным
Да по ягодным местам.

Вырос, вымахал лесок —
Солнца лакомый кусок.
Слышу в зареве смолистом
Певчей птички голосок.

* * *

Люблю возвратиться в деревню
К весенним гулящим ветрам,
К развалинам сельской пелевни,
По виду похожей на храм.

Отправлюсь, как витязь, дозором
Туда, где, как золотом облит,
Большим православным собором
Мой лес корабельный стоит.

А, может быть, прут оседлаю
И буду скакать на коне,
Вот этот весь мир воспевая,
Как люб и как дорог он мне.

Любимая женщина долго
Вдогонку мне будет глядеть,
А я по стернине по колкой
Всё буду лететь и лететь.

Виденье

Лесная опушка по краю
И поля простор впереди.
Деревню с просевшим сараем
Река прижимает к груди.

Без устали тучки поили
Посевы живою водой,
А жители речку любили
За синий туман с бородой.

За то, что скрывала от шума
Завесой берёзовых крыл,
За чистую, кроткую думу
Деревню я с детства любил.

Виденье пустого просёлка
С дорогой, ушедшей под снег,
Вонзится под сердце осколком,
И крови замедлится бег.

И дум потревоженных ворох.
А, может, я просто чужак?
Пригрезился, что ли, просёлок?
А, может, не мне только дорог?
...О, Боже, пусть было бы так!

Земляника снится

Мне часто снится отчий дом,
Листва берёз над серой крышей.
Когда же — верится с трудом —
Я шум берёз опять услышу?

Мне снится запах молока,
Ржаной краюхи запах резкий.
Я — сын великого полка,
Мой пращур — ратник белозерский.

Мне снится розовый закат,
Косые тени перелеска,
И душу светлая тоска
Во сне подёрнет занавеской.

Я просыпаюсь в свой черёд.
В окне играют солнца блики...
Недаром снился целый год
Мне запах спелой земляники.

Половодье

Сплав молевой.
Я плыл. Меня сносило.
Совсем малец
На экой быстрине.
Я грёб, пока
Моей хватало силы
И мать пока
Рукой махала мне.
Меж брёвен плыл
Под неусыпным оком
В рубахе мокрой
Не от брызг, от слёз.
И хоть меня
Снесло совсем далёко,
Причалил я
К подножию берёз.
И вот когда
Я выбрался на берег,
Крестила мама:
— Поклонись судьбе!
И я с тех пор
В свою звезду поверил,
Она не раз
Спасла меня в беде.

Мама

Вспыхнет берёзы зелёная люстра
Ветви, как свечи, висят.
Майские дожди часто и густо
Зелень полей оросят.

В небо гляжу и с восторгом и грустью,
Думы свои не тая:
Облачком, может, небесною Русью
Мама проходит моя.

Ей с высоты голубой обозримы
Берег с речною волной,
Клин журавлиный над полем озимым,
Когны соломы ржаной.

Мама журит меня тучкой летящей,
Светлым лучом ободрит,
Мама со мной ветерком шелестящим,
Пением птиц говорит.

Речка волну гонит пенную к устью,
Память сливая веков,
А в вышине с затаённою грустью
Плещётся ткань облаков.

Черёмуховый снег

Жил да был Василий дед,
Золотые руки.
Мудрым был его завет
Сыновьям да внукам.

Мерил жизнь на свой аршин
И не знал кручины:
Трое хлопцев — это сын,
Ну а шесть — два сына.

Он без дела не сидел.
— Без натуги, вроде,
А хозяйничать умел, —
Говорят в народе.

Он любил, — запомнил всяк, —
Речку, лес и поле
И не жаловал табак,
Шумные застолья.

После Бога самого,
Ошибусь едва ли,
За Учителя его
На селе считали.

Майским утром умер дед,
Все в селе качнулись,
Словно снова в белый свет
Холода вернулись.

— Он недаром прожил век, —
Весть несли друг другу...
А черёмуховый снег
Завалил округу.

Рубцовская строка

При жизни кто Рубцова не честил:
Заносчив он и чуть не алкоголик.
С портретом Пушкина вино он, правда, пил,
Так повод был: поэт поэта стоил!

Что из того? Он выпил и не раз,
Когда бренчала медь в его кармане.
Зато всегда с ним рядом был Пегас,
Оседланный, отнюдь не на аркане.

Он скромнен был и власти не дерзил,
Не тратил он на мелочное силы,
Когда в развоях мутной жизни плыл,
Держа перо наперевес, как вилы.

Он музе сын. Стихи его не лгут.
Он к ней одной был явный воздыхатель.
Пророчил сам: творенья не умрут,
Но знак подаст в Крещенье мне Создатель.

В строю поэтов, выйдя в первый ряд,
Был рыцарем без страха и упрёка.
Поэты те как вспыхнут, так сгорят
Свечою до отпущенного срока.

Откройте том, читайте наугад,
И прочь уйдут тревоги и сомненья:
Прекрасен мир, нет никаких преград!
Светла строка его стихотворенья!

Соловьиные часы

За туманом синим на берёзе
В розоватом сумраке ветвей
Уходящей зорьке, словно розе,
Напевает гимны соловей.

На деревне стихли разговоры.
Парень с девкой, нежный звук лоя,
Позабыли о любви доспорить,
Восхищаясь песней соловья.

Не видать певца на белой ветке.
Сердце от чего-то сладко мрёт —
Так в часы свидания нередко
Вся душа от радости поёт.

Повелось давно на белом свете:
В эти соловьиные часы
Все хотят любовь такую встретить,
У которой помыслы чисты,

И взлететь над будничною прозой.
Только пой, соловушка, нам пой!
Разгорись, зари свет, над берёзой,
Как весёлый утренний прибой.

Чтоб летела песня золотая
И томилось сердце не с тоски,
А душа цвела, не увядая,
Как зари погасшей лепестки.

Музыка любви

Ожиданья томительны муки.
Свет дневной беспричинно угас,
Будто скрипки остывшие звуки
Отзываются трепетом в нас.

Нам Всевышний послал это чувство,
И бессмертной музыкой он
Подсказал, как велико искусство
Единенья сердечных сторон.

В этой музыке лебедь Плисецкой,
Колокольная тихая медь
И листок над осеннею речкой,
Начинающий петь и звенеть.

В этой музыке горечь разлуки,
Плеск над водною гладью весла
И бессильные тонкие руки,
Как поникшие птичьи крыла.

Слава Богу, что он нам оттуда,
Из глубин бесконечных небес,
Этой музыкой дарит нам чудо,
Чтоб любви ген бессмертный воскрес.

Полутоны-перезвон

Зеркала реки уснувшей гладь.
Ночи распростёртое крыло.
Слава Богу, можно всё сказать,
Как однажды в жизни повезло.

Шорохи неясные в тиши.
Нежное касание руки.
Пение взволнованной души.
Губы притягательно близки.

Искренности верный полутон.
Звёздная без края высота.
Двух сердец единый перезвон.
Страсти неостывшая мечта..

Любовь земная

Пускай живём мы в мире переменчивом,
Самим себе не стоит, впрочем, лгать.
Не мил мужчине белый свет без женщины,
И ей не стоит счастья избегать.

Её природа тайною отмечена.
Не нужно сокрушаться вновь и вновь.
Самими небесами обеспечена
Земная легкокрылая любовь.

То каплями, а то и водопадами
Прорвёт она плотину бытия.
Так надо ли, любимая, так надо ли
Искать, кто виноватей, ты иль я?

Ты милостию Божией увенчана.
Не стану не лукавить и не лгать:
Я потому мужчина, что ты — женщина.
Так надо ли друг друга избегать?!

* * *

Мне грустно думать:
Ты без меня.
В глазах не вспыхнет
Поток огня.
И мир как будто
Из чёрных нот.
Чужое что-то
Во мне живёт.

Мне грустно думать:
Ты без меня.
Остыла разом
Вокруг земля.
Скажи, о, Боже,
В чём согрешил?
И путь мой к рифмам
Кто перекрыл?

Я напрягаю
В ночи свой слух,
Порвать стараюсь
Печали круг.
И слышу ясно
Средь тишины
Твоё дыханье.
Ты смотришь сны.

Молитва о любви

Травы вспыхнули росами.
Застучало в груди:
Ты любовь мою, Господи,
Не студи, не студи!

Жизнь звездой вечернею
Прочертила закат.
Отпусти прегрешения,
Разве я виноват?

Как небесные россыпи,
Полыхнул её свет.
Не гаси её, Господи,
Без любви жизни нет!

Без неё мир обрушится
И поникнет душа.
Все, спасеньем живущие,
За любовью спешат.

Всем, тобою обвенчанным,
Дай от счастья ключи,
И мужчину и женщину
Жить в любви научи.

Наводнение

Затопило высокой
Половодья водой
От тебя, ясноокой,
От тебя, молодой.

На весенние льдины,
На весёлый разлив
Я гляжу без кручины,
Как ручей, говорлив.

Может, ты виновата.
Может, я виноват.
Лишь бы рядом была ты,
Буду этому рад.

Это как наваждение:
Голос твой и глаза.
И нельзя наводнение
Повернуть мне назад.

Ваш голос

Свеченье люстр. Фокстрот и вальс.
Друзей весёлое собрание.
Предположить не мог заранее,
Что в этот вечер встречу Вас.

Волшебной музыки поток
Струится будто ниоткуда.
И Вы, казавшаяся чудом,
И чувств несдержанный восторг.

Меня Ваш голос приковал.
Всё изменилось в этом мире,
И стал, казалось, много шире
И круг друзей и этот зал.

И в тактах музыки тогда
Послышалось так очевидно:
Случится что-то завтра, видно —
И мой вопрос и Ваше «да».

Твои письма

Когда тоска на мне повиснет,
В душе вселится грусти страх,
Я вновь твои читаю письма
И вижу свет в твоих очах.

Любви неистовая сила
Плещёт с бесхитростных страниц,
И грусть, как дождики косые,
Прорежут всполохи зарниц.

Повеет сладостно и нежно
Теплом от трепетных страниц,
И чувства, думы безмятежны,
И нет нужды мне падать ниц.

Какое счастье, ты поверь мне,
Жить этим заревом любви,
Когда надежду сменит вера
В её воскресшие огни.

Вальс

Так редко ухает оркестр
В литавры, солнцем облитые.
Ещё недавно он окрест
Гнал звуки вальса золотые.

Они с певучего листа
В сердца горячие врывались,
И ноги, руки и уста
Ему послушно покорялись.

На волнах песенной страны
Дремал пурпурный край заката,
И были судьбы сплетены
Любовью трепетных раскатов.

И до сих пор в хмельную высь,
К истокам чувственных рассветов,
Сквозь всю оставшуюся жизнь
Несут нас волны пируэтов.

Первоклассник

Тихое светлое утро,
Кажется, было в тот год.
В школу за знанием мудрым
Свежий катился народ.

Лица детишек я помню.
Робко скрипело перо.
Шелест берёз в заоконье.
Первый мой школьный урок.

Всё так отчётливо, ясно —
Праздник осенний и я —
Нежно, легко и прекрасно
Всплыло из забвения.

К школе дорожку лесную
В утренней звонкой тиши
Памятью я не миную,
В узел надёжный сложил.

Юности певчие трубы,
Дом, где начало начал,
Смоет жестокий и грубый
Жизни взрослеющий вал.

Но и в метельной пороше,
В мгле беспросветной ночи
Ярко горит тот хороший
Праздник сияньем свечи.

Берёзы плачут

Снова плачут берёзы. Привычное, кажется, дело:
Вознеслись высоко они к небу, совсем высоко,
И играет опять на стволах и на ветках их белых
Снова солнечный зайчик, плутовавший среди облаков.

Снова плачут берёзы, а может быть, это не страшно?
Разогнали, оплавив снега, от полудня ветра,
И живую водой пропиталась земля — это ясно,
И берёзам, наверно, от радости плакать пора.

Отчего же тогда эта истина, вовсе простая,
Так волнует меня возле этих берёзовых стен?
Может быть, от того, что такая уж доля людская —
Пить берёзовый сок, ничего не давая взамен.

Осенние холсты

Багряные с искрою листья.
Войдёшь в золочёную сень,
И думы, как будто молитвы,
В осенний ликующий день.

Резные сосновые крыши,
Умытые солнцем стволы,
А с неба высокого слышишь
Протяжный клик стаи «курлы»

Быть может, вот эти мгновенья
В сентябрьском дрожащем огне,
Ступая незримую тенью,
Стихами вернутся ко мне.

И пышной природы убранство,
И листьев цветные холсты,
И птиц поднебесные танцы
На белые лягут листы.

Октябрь золочёные листья
Укроет дождливой полой,
А пламень рябины отыщет
Лишь птаха студёной порой.

Вхожу, будто в храм на молитву,
В лесов золочёную сень, —
Душа затрепещёт, как листья,
В осенний ликующий день.

Блики осени

Тихо часики тикали в стенке.
Лампы круг на дощатом столе.
Толковали друг с другом степенно
Мы о грешном житье на земле.

Хорошо, когда кто-то есть рядом,
Хорошо, когда пламя в печи.
Всё идёт, вроде, так, как надо,
Сердце ровно, спокойно стучит.

За окном ветер свищет с надрывом,
Гасит искры небесных огней.
Есть в осенней поре переливы,
Когда жизнь будоражит сильней.

Вихри белые

Сыпет снегом, как ёжик, колючим.
Ворвалась, зная, метель на простор,
И упали пуховые тучи
На дома, на кусты, на забор.

За окном ветви красной калины
Тоже в белом стоят молоке,
И поют колокольчики-льдины
В половодья снежной реке.

Вихри белые кружат в ограде,
А на сердце шемаящая дрожь,
А душа не скрывает, что рада
От того, что на свете живёшь.

Храни, душа

Не суждено — так и жалеть не надо.
Завидовать — так боги не простят.
Мне не дано командовать парадом.
Об апельсинах сосны не грустят.

Душа-душа, тебя не переделать.
Среди зимы вдруг хочется тепла,
А запаха малины переспелой
Затянет вмиг мороженная мгла.

Не суждено — так и жалеть не надо.
Не забудь, душа, и сохрани
И золочёный ветер листопада,
И небосвода синие огни.

И крыши изб, облепленных снегами,
И серебро из родника воды,
И пенье птиц над пёстрыми лугами,
И на песке любимые следы..

Храни, душа, не допусти беды.

Облетают листья

Закружила метель бестолково,
Спрятав солнышка жёлтый пятак.
Что свершится — к тому и готовы,
Но, конечно, всё будет не так.

Не грустим, не жалеем, не плачем,
А бывшее лелеем, храним.
Каждый миг позади — многозначен,
Каждый ветром да солнцем палим.

Облетают листья, облетают
На ветвях погрустневших садов.
Обретаем себя, обретаем,
Подымаясь ступенью годов.

Будем мчаться, как скифы, набегом,
Растворяясь в метельных краях,
К тем годам, у которых под снегом
Зарождается жизнь на полях.

Папы поют

В небе вечернем на краешке где-то
Светит полоска одна.
Это по зову остывшего лета
Робко восходит луна.
Машет Большая Медведица лапою:
— Тише! Спускается ночь.
Слышите, люди, и солнышко — папа наш
Тоже баюкает дочь.

Где-то, завесивши шторкой окошки,
В выси летят корабли,
Где-то дежурят на лунных дорожках
Вечные стражи Земли.
Папина песня вечерней порою
Льётся нежна и тиха:
— Спи, моя девочка, папа с тобою,
Будет кроватку качать.

Звёздочки гаснут над нашею крышею,
Дремлет в ночи Млечный путь.
Звёзды мою колыбельную слушают,
Ты постарайся заснуть.
Светятся свечками любящих взглядов
Окна по вечерам.
— Спи, моя радость, с тобою я рядом, —
Папы поют малышам.

В защиту дня

Ценю я жизни каждый шаг,
Но сердца рвутся стужи:
На чём — я так и не постиг —
Настояна разлука?

Всесильной жизни свет цена
На всём её пространстве,
Принять мне трудно и понять
Её непостоянство.

Зачем не вовремя мороз
Коснётся шевелюры?
Зачем вдруг выплывет на плёс
Не лебедь — ворон хмурый?

Зачем про честных иногда
Слагают небывицы?
Зачем не радость, а беда
Вдруг опалит зарницей?

Не тратя много лишних слов
В защиту дня земного,
За то я жизнь отдать готов,
В чём капля есть святого.

* * *

Старят беды, а не годы,
Боль нечаянных утрат,
И неожиданные невзгоды,
И обиды невпопад.

Мы судьбу не выбираем,
Но на каждом вираже
Раны новые латаем
На челе и на душе.

И несём, не помня страха,
Всем чертям наперекор,
Свою голову на плаху,
Где взнесён уже топор.

Мы в счастливый жребий верим,
Не умерим шаг ноги,
Даже если там, за дверью,
Никакой не видно зги.

Вологда

Заслышу твой звон колокольный,
Взгляну, как горят купола, —
Эх, город ты мой хлебосольный,
Ты ладом старинным светла!

Столетий-то сколь пробежало!
От встречи с тобой я хмельной.
Тебе, видно, впрямь надлежало
В рубашке родиться льняной.

Резные на храмах просветы
С окном кружевным обнялись,
И нового века приметы
Тебе тоже в пору пришлись.

История всех повенчала,
Как птица, укрыла крылом,
Птенцов — продолженье с началом,
Связав их надёжным узлом.

Хлеб насущный

Я с азбукой сроднился в дни войны.
Открытьем букв я счастлив был вначале.
Они смотрели прямо со стены,
Оклеенной газетой, как в читальне.

Читальней был отцовский старый дом.
Свет лампы керосиновой был слеп.
Газеты я листал как книжный том,
Забыв притом про голод и про хлеб.

Добра душою, в вязаной накидке,
Учительница в дом свой привела,
Сразив меня загадочной улыбкой,
И с книжной полки чудо подала.

Мир за окошком с серыми тенями
Уплыл в туман. Казалось колдовством —
Сложить слова, они меня пленяли.
И в книжном море утопал я в том...

От этих лет — свежо воспоминанье:
Я вижу, как в голодный год войны
Учительница бережным касаньем
Снимает хлеб насущный со стены.

Утренняя молитва

Посвящаю утру раннему,
Посвящаю дню пригожему
Золотое заклинание,
Где слова, как в песни, сложены.

Над заветными тетрадами
И весной и стылой осенью
Размышляя, и строки прядями
На листы упали простенько.

Думы светлые на волюшку
К птицам-душам человеческим
Выпускал гулять по полюшку,
Зорькой алою освеченным.

В думах — добрые желанья,
Непотайные учения,
Сокровенные признания
О земном моём влечении.

Разгорайся, утро раннее,
Польхай, заря, уверенно,
Новый день, как ликование,
Подымись, судьбой отмеренный.

Содержание

<i>Поклон всем радостям земным</i>	3
ГЛАВА ПЕРВАЯ. РОДНОЕ ГНЕЗДО	
К лукоморью	7
Новый век	9
Русское небо	10
Я — русский	11
Солдатка	12
Книга Памяти	13
Защитникам Ошты	14
Земля и вера	15
Вечность	16
Поклон деревне	17
Отчий край	18
Летнее утро	19
Родное гнездо	20
Зима	22
Наперекор судьбе	23
Суть жизни	24
«Восток алеет. Тают звёзды...»	25
Эль Греко	26
Первый иней	28
Узы рода	29
«Передо мной...»	30
Земляки	31
Хроника жизни	32
ГЛАВА ВТОРАЯ. ЗВЁЗДЫ СМОТРЯТ ВСЛЕД	
«Наконец — опять в поездке...»	35
Скрип полозьев	36
«Я забыл...»	38
Пропавшему без вести	39
Про лопату	40
Личный счёт	43
Мамаев курган	44
Булус	45
Большая Медведица	46

Якутия	47
Амстердам	48
Всё пройдёт	49
«Я жить не смог бы на чужбине...»	50
«Доверьтесь поэтам, доверьтесь...»	51
«И дни пройдут...»	52
«Надежды юности нетленной...»	53
«Дни детства растворяются во мгле...»	54

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. СНЕГА ПЛАВЯТСЯ

«Как нежно, как грустно...»	57
«В раздумьи я стою один...»	58
Краски Дионисия	59
Батюшков	60
Свет небесный	61
«Шёл я тропкой не окольной...»	62
Рассветы в апреле	63
«Открой врата свои, природа...»	64
Красный снег	65
«Что видел ты, солдат, в бойнице...»	66
«Лето было...»	67
Простите мне	68
В аллее	69
Не грусти	70
«О, душа! Любой поре ты рада...»	71
Снегирь	72
Утро года	73
Снега плавятся	74
Гиацинты в Хельсинки	75
Ван Гог	76
Зимние грёзы	77
«Зима, зима пришла...»	78
«Поклон всем радостям земным...»	79
«Вспыхнут зори золотом багряным...»	80

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ. РОЖЬ ДА ЖИТО

Рожь да жито	83
Родина	84
Весенняя межа	86

Свет-заря	87
Цвела черёмуха	88
Деревенские невзгоды	89
Вологда	90
Звёзды Руси	91
Тётя Паша	92
Рождался день	94
Знаменья	95
Назло приметам	96
Весеннее настроение	97
Колесо в травинках	98
Золотая осень	99
Кубок жизни	100
Восславь живое!	101
Романс о романе	102

ГЛАВА ПЯТАЯ. ЗОРИ БЕЛОСТВОЛЬНЫЕ

Зори белоствольные	105
Родники	106
Живём — не тужим	108
Не обижайтесь на отцов	109
Шли славяне	110
Родной язык	111
Знамёна дедов	112
На пороге века	114
Иуда	115
Не дождётесь!	116
Гаврилинский ключ	117
Широта души	118
Непостижимый человек	119
Только ту	120
Свет любви	121
Цепи Гименея	123
Снежинки	124
Присяга	125
Звёздочка на ладони	126
Запряги-ка тройку!	127
Шаги весны	128
Вербная молитва	129

Вечное движение130
Первое сентября131
Колокольни звонят132
Бремя славы133
Настанет день134
Берёзовые свечи135
Травам снятся сны136

ГЛАВА ШЕСТАЯ. ПЕРВАЯ ПЕСНЯ

Первая песня139
Зря обиделась140
Сиреневый рассвет141
Всё равно142
«Нет, нельзя забывать про любовь...»143
«Изменило мне счастье земное...»144
Нежность145
«Родная, как тебя благодарить?!»146
Влюблённое сердце147
Эх, мужики!148
Воспойте женщину149
Для тебя150
Счастье151
Женская слабость152
Зимние грёзы153
Свет зари154
Клянись любить!155
«Есть душсчастливое сплетенье...»156
Любовь157
«Любовь — и осень и весна...»158
«Мороз сегодня колется как ёжик...»159
Куковала кукушка160
Снегурочка161
Береги любовь!162
«Хочешь быть — останься крепостью...»163
«Сияет зеркало воды...»164
«Так просто, естественно, мило...»165
«Свет надежды в утре раннем...»166

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. ЗА СЛОВОМ ВЕЩИМ

В гостях у родины169
Автобиография170
Песнь о вещем171
Мои стихи172
С кем боги?173
Закаты золотые174
Огни воспоминаний175
Русич я176
Привет родному краю177
Сказка-полынь178
Цена победы179
Не прощаю180
Страдать по-русски181
Мелодии осени182
Зимы краса183
Вальс снежинок185
Новогодняя сказка186
Весенний хоровод187
На закате188
Пора зрелости189
«Любимая, угадывать...»190
«Судить любовь свою не слишком...»191
Друзьям192
Шекспир193
Берег Надежды194
Город за окном195
Свет созвездий196
О люди!197
«В день остуженный короткий...»198
Годы-птицы199
«И люди другие и улицы...»200
Душа тревожится201
«Я такой, как зори поутру...»202

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. МИР ВЕНЧАЮ ЛИРОЙ

«Прислушайся к симфонии весны!..»	205
---	-----

Как здорово всё-таки жить!206
Добрый след207
Древнерусские были208
Родное209
Сказки Севера210
Земля обетованная212
У храмовых врат213
Рубили баню215
Изба216
Радуга памяти217
Вечерний звон218
Ау, народ!219
Гори, лето220
Не канут в Лету221
Ты помнишь, брат?222
Ровесницы223
«Ты знаешь, не было сомненья...»224
«Зажгу свечу за здравие любви!..»225
Зимняя песня226
У истоков227
Осенние думы228
Учитель мой229
Благодарю230
Над вечерним костром231
Полюшком пойду232

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. РУСЬ НЕСУ В СЕБЕ

Русь несу в себе235
Сокровенное236
Страна русичей237
Так охота238
Слава русская239
Непокорная Русь240
Мой род241
Борозда жизни242
Память243
Храм на холме244
Зори вологодские245

Дедово наследство246
Запрягай!247
Узнику Колымы248
Летний зной249
Зарево детства250
«Люблю возвратиться в деревню...»251
Виденье252
Земляника снится253
Половодье254
Мама255
Черёмуховый снег256
Рубцовская строка257
Соловьиные часы258
Музыка любви259
Полутоны-перезвоны260
Любовь земная261
«Мне грустно думать...»262
Молитва о любви263
Наводнение264
Ваш голос265
Твои письма266
Вальс267
Первоклассник268
Берёзы плачут269
Осенние холсты270
Блики осени271
Вихри белые272
Храни, душа273
Облетают листья274
Папы поют275
В защиту дня276
«Старят беды, а не годы...»277
Вологда278
Хлеб насущный279
Утренняя молитва280

Валерий Судаков

На пути
к лукоморью

По страницам книг

Стихотворения

Оригинал-макет подготовлен
в издательском центре АОУ ВО ДПО
«Вологодский институт развития образования»

Подписано в печать 24.05.2012. Формат 84×108/32.
Печать офсетная. Гарнитурa: Lazurski, Vera Strouz.
Усл. печ. л. 15,12. Тираж 500 экз. Заказ 195.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО ПФ «Полиграф-Книга»,
160001, г. Вологда, ул. Челюскинцев, 3